

Моё живое СНОВИДЕНИЕ

Алина Блинова

Алина Блинова

Моё живое сновидение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70026175

SelfPub; 2023

Аннотация

Всем нам однажды снился тот самый прекрасный незнакомец, лучший собеседник и друг. И у каждой с ним была своя история. Но что если такое случилось и с обычной советской девочкой, у которой свои тайны и секреты? Что если и она полюбит в своё живое сновидение? Оживёт ли он в самом деле или навсегда останется в мир снов?

Алина Блинова

Моё живое сновидение

1957 год, лето

Всё началось одной душевной летней ночью. Мы только недавно переехали к бабушке и дедушке, и я всё ещё не могла уснуть, ворочаясь из стороны в сторону. Джо на другой стороне дивана что-то недовольно проворчала и грубо попросила перестать и дать ей поспать. А я лишь ещё раз перевернулась и уставилась на тяжёлой стол, на поверхности которого отражалась луна. Сон никак не шёл и, в свои полные шесть лет, я не знала почему, хотя сейчас уже могу предположить, что из-за переезда и нового места. Но вот, когда в комнату стали уже пробиваться первые лучи рассвета, уставшие глаза наконец сомкнулись и я погрузилась в тот необыкновенный сон.

Это было на пшеничном поле. На небе ярко светило полуденное солнце, ветер пускал волны по колоскам пшеницы, где-то стрекотали кузнечики. Вокруг никого не было. Непонимающе озираясь, я пошла вперёд, чувствуя, как щекочут голые ноги колоски. Шаг за шагом я понимала и осознавала, что абсолютно одна посреди большого ничего, но мне не было страшно. Скорее спокойно и умиротворённо. Глубоко вдыхая чистый пропечённый солнцем воздух, я приготовилась медленно выдохнуть, как вдруг... споткнулась обо что-

то мягкое и тут же упала, больно ударившись щекой об торчащий из земли камень. Нечто мягкое в тот же миг возмущённо произнесло: «Эй, ты что?!». Перевернувшись на спину, я увидела темноволосого мальчишку в старой растянутой зелёной майке и трусах. Он смотрел на меня не то с интересом, не то с удивлением. Сама я была в ночнушке старшей сестры, которое едва закрывала мне ягодицы.

– Ты кто? – возмущённо подняв брови, спросила я.

– Р...ррл... – мальчик пытался что-то сказать, но ему будто что-то мешало, и он сплюнул на землю, чем вызвал моё отвращение, – Да, блин!

– Оладушек, – на автомате ответила я, а потом осторожно поинтересовалась, – Ты плохо говоришь?

– Нормально я говорю! – огрызнулся мой собеседник абсолютно без запинки, – А вот имя своё почему-то сказать не могу.

– Оно у тебя такое сложное?

– Да нет, самое обыкновенное, – мальчишка устало вздохнул и закатил глаза, – Раз такая умная, сама попробуй. Скажи вот своё имя.

– А вот и попробую, – я гордо задрала нос, – Меня зовут Мэээ... мммэ... ммм. Да что же это?!

Во рту и действительно что-то мешало, будто в моменте произнесения имени меня кто-то хватал за язык.

– Ха! – зло отозвался мальчик, – Вот видишь. Не можешь.

– Но почему? – я стала щупать собственный язык, но он

казался самым обычным.

– Видимо это волшебство, – мальчишка задорно улыбнулся, – Здорово, да?

– Нет! – я скривила нос, – Никакого волшебства нет! Всё на свете можно объяснить.

– И как же ты это объяснишь?

– Пока не знаю, – я обиженно надула губы, – Но обязательно придумаю.

– Ну-ну, – мой обидчик самодовольно ухмыльнулся, – посмотрим.

Я на это лишь закатила глаза и окончательно обиделась, не зная, что ещё сказать. Через минуту хихиканья он всё же окликнул меня почти без смеха.

– Ладно тебе дуться. Давай дружить. Пока видимо без имён.

– Не хочу я с тобой дружить, – продудела я в нос.

– Эй, ну чего ты? – мальчик коснулся меня моей руки и вдруг...

Я проснулась. В недоумении, я стала быстро хлопать глазами, чтобы привыкнуть к утреннему свету, а после перевела растерянный взгляд на сестру. Та стояла уже переодетая к завтраку и смотрела на меня строго.

– Вставай. Бабушка сказала быть за столом через полчаса одетыми и умытыми.

Я раздраженно фыркнула. Это был второй день в квартире бабушки и дедушки и наша с ними седьмая встреча за всю

жизнь. Полгода назад мы даже не знали о их существовании. Потому даже слова «Бабушка» и «Дедушка» были непривычны.

– А можно не идти? – сонно простонала я.

– Можно, – кивнула сестра, – И тогда их отношения к нам станут ещё холоднее.

– Куда же ещё сильнее? – пробурчала я и всё же откинула одеяло.

Сон блистал на заднем фоне сознания, но я быстро отбросила его, потому как реальная жизнь была гораздо ярче и насыщенной, чем встреча с загадочным мальчиком.

В то утро новоиспечённые бабушка и дедушка сообщили нам, что теперь мы официально удочерены ими и наши новые имена Елена и Марина. До этого же мы были Джоселин и Марианна и друг для друга навсегда остались ими. Но с тех пор, как умер папа, а спустя год и мама, у нас не было прав и свобод так себя называть. Не сказать, чтобы до этого их было больше, но это другая история, слишком долгая и грустная. Её я расскажу позже. А пока стоит знать лишь, что наша с Джо жизнь резко перевернулась и о предыдущей жизни, включая родных родителей, нам прямым текстом сказали забыть и «в этих стенах больше не вспоминать». Так мы и сделали. Днём я ходила в детский сад, а Джо в школу в пятый класс, куда её посреди года устроили по старой дружбе дедушки с заучом. А вот вечером мы с сестрой ожида-

лись, пока взрослые заснут, садились на одеяло и начинали разговаривать про всё на Свете. Про то, как странно теперь жить тут и делать вид, что мы прилежные внучки. Про то какая у сестры странная школьная форма и как сложно за ней ухаживать. И ещё про то, что в детском саду очень скучно и очень противные дети. Так мы и засыпали, держась за руки и надеясь поскорее вырасти.

Однако спустя примерно неделю такой жизни сон с мальчиком повторился. Перед этим я снова долго не могла уснуть, а затем, когда Морфей забрал меня в свою страну, оказалась в центре незнакомого города. Мимо быстро шли люди, но не замечали меня, будто я была призраком. И лишь один человек смотрел прямо и прицельно в мои глаза. Тот самый мальчишка Рэ. Его карие глаза распахнулись от удивления и даже рот немного приоткрылся, а после трёхсекундного ступора он вдруг расплылся в улыбке и сказал:

– Привет. А я думал уже не увидимся.

Я, на его радость, лишь нахмурила брови и с подозрением в голосе спросила:

– Что ты тут делаешь?

– Я? – радость мальчишки как рукой сняло, – Стою. Это же мой сон. А что здесь делаешь ты?

– Не знаю! – я возмущённо взметнула руками, – Сплю!

– Ну вот и спи, – обиженно бросил он.

– Ну вот и сплю!

Так бы мы и стояли посреди улицы, буравя друг друга

взглядами, но вдруг я заметила статую, которая поразила мою детскую душу. Это был очень высокий мужчина, который стоял во весь рост, держа потолок здания. Заворожённая, я подошла к нему и погладила холодный мрамор, а после подняла голову и стала всматриваться в его лицо.

– А меня они пугают, – неожиданно выдал мой товарищ по сну, – Отец привёл сюда нас с братом вчера. Славка восторженно трещал об искусстве и культуре, а мне хотелось уйти поскорей.

– А почему не ушёл? – небрежно поинтересовалась я.

– Мальчики не должны ничего бояться. Так отец говорит. И я не боюсь, – мальчишка гордо задрал нос, но потом вновь посмотрел на скульптуру и немного дрогнул, – Но лучше пойдём дальше.

И мы молча пошли дальше по улицам. Мальчишка, которого я вскоре окрестила Рэйка (это выговаривать было проще, чем просто Рэ), рассказывал мне о зданиях и скульптурах. А их было очень много! И потому вскоре мой восторг не знал предела. Хотя я и жила теперь в городе с названием Свердловск, но дальше дома, садика и трамвая пока не бывала.

Этот сон закончился мягче предыдущего, мы даже успели попрощаться. И это был первый раз за две недели, когда я проснулась с улыбкой и с той же улыбкой пошла в садик. Джо очень удивилась, но ничего не спросила, но я сама рассказала ей уже вечером. Сестра кивнула и неожиданно грустно по-

смотрела на меня. Больше ничего не сказав, она пошла умыться перед сном, а я упала на кровать и ещё долго смотрела в потолок, прежде чем уснуть.

Таким образом, мы с Рейкой стали встречаться почти каждую ночь. Иногда он был очень вредным, иногда я сердилась, но почти всегда нам было весело и интересно. Каждый сон был в разных местах. Это были места, где мы бывали в реальности. Улицы, парки, театры, его школа, мой садик. Там были люди, но нас никто не видел, потому мы могли делать, что хотим. Баловались, смеялись, играли. Это было лучшее время за весь день. Правда иногда мой новый друг «перегибал палку» и тогда я очень обижалась. Из-за моих обид он вскоре тоже дал мне прозвище «Ёжик». Так мы и дружили, как в мультфильме – Рейка и Ёжик. И всё было отлично следующие три года... Пока однажды в семье Рейки не приключилась беда.

1960 год, ноябрь

Я тогда уже училась в школе, перешла в третий класс. Мы с Джо пришли после школы, сделали уроки, поужинали и почти сразу ушли в свою комнату. Бабушка с дедушкой лишь известили нас, что на выходных мы идём в театр. Я кивнула, Джо даже улыбнулась из вежливости, и мы уединились. Именно в этот день я решила ещё раз рассказать старшей сестре про Рейку, и она вновь грустно посмотрела, но сегодня будто на что-то решилась.

– Марианна, этот твой воображаемый друг... я думаю тебе

стоит завести настоящих друзей. Ибо он лишь их замена и твоя защита от реальности. А ты лучше прими её. Как она есть.

– Что? – я нахмурила брови и теперь смотрела исподлобья, – Он настоящий! У него даже мама с папой есть. И брат Славка!

– Потому что ты ему их придумала, – продолжала настаивать сестра.

На эту фразу я окончательно обиделась и отвернулась от Джоселин. Понадобился ещё час, прежде чем сестра убедила меня, что может быть права и я её хоть немного простила. Мы легли спать на два часа позже и потому я почти тут же уснула.

В этот раз это был не парк и не театр. Это была комната. Маленькая, тесная, тёмная комната. Похоже на кладовку. И здесь совсем не было людей. Просто мёртвая тишина, которая очень пугала меня. Я наощупь сделала пару шагов, но вдруг услышала тихий всхлип. Глаза уже привыкли к темноте, потому я смогла разглядеть Рейку, что сидел в углу кладовки, прижав к себе колени. Тогда я окликнула его, но он продолжал сидеть, будто не слышал. Мне стало жутко интересно почему он так сидит, и я подсела рядом.

– Ты чего здесь делаешь? – спросила я.

– Сижу, – буркнул мой друг, а затем издал короткое шмыганье.

– Ты что, плачешь? – удивилась я.

– Нет, – мальчишка насупился ещё больше.

Что ещё у него спросить я не знала, потому спросила то, что крутилось в голове после разговора с сестрой.

– А ты настоящий?

– В смысле? – нахохлился Рейка, – А какой же ещё?

– И брат у тебя настоящий? И мама с папой?

После последних трёх слов его будто ударили. Сильно и в живот. Потому что взгляд у него резко перестал быть обиженным. Он на секунды стал растерянным, а после таким колючим и злым, каким я его прежде никогда не видела. Он вскочил на ноги и закричал буквально в сантиметре от моего лица:

– Настоящие! Настоящие и живые! А Славка врёт! И дядя Вадик врёт! Они все врут!

Я замерла, как заяц перед ружьём. Сидела, боясь пошевелиться, лишь глазами хлопала, в которых теперь тоже наворачивались слёзы. А мой друг, увидев, как сильно испугал меня, тут же состроил виноватое лицо и снова упал на корточки. Мы молчали около пары минут, пока я не выдавила что-то банальное, но нужное:

– Что случилось?

Рейка ответил не сразу, лишь спустя несколько долгих секунд. Он сделал глубокий вдох и затем выдал, будто на одном дыхании.

– Мы со Славкой остались на выходных с дядей Вадиком, мама с папой поехали в ресторан на годовщину свадьбы. Они

должны были приехать утром, но... – мальчик запнулся, – Но они не приехали даже днём. Дядя Вадик сказал не волноваться, а сам уехал куда-то, оставив нас со Славкой одних. А вечером он вернулся и сказал... сказал, что была сильная метель и гололёд.. и водитель такси не справился с управлением. Машина слетела с дороги. Никто... никто не выжил.

Глаза моего товарища снова начали наполняться слезами, но он быстро сморгнул их. Я не знала, что ему сказать, прекрасно зная его боль, ведь сама три года назад переживала такое. Всё, что я смогла сделать, это положить на ладони свою руку и сжать их. Меня так всегда успокаивала Джо. Даже в тот самый день.

– Мне очень жаль. Мои родители тоже умерли, – прошептала я дрожащим голосом, – Ещё тогда, три года назад. За месяц до нашей с тобой встречи.

– И что с ними теперь? – Рейка перевёл на меня взгляд полный надежды.

– Не знаю. Их куда-то увезли люди в белом, а потом приехали бабушка с дедушкой и увезли нас. Все вопросы о родителях у нас дома запрещены. Но Джо ещё тогда, когда забирали папу, сказала, что, если приходят люди в белом – человек не вернётся, он умер.

– Дядя Вадик тоже сказал, что не вернуться. И что мы теперь с ним будем. Он брат мамы, нас очень любит и сам очень хороший. Но понимаешь... я хочу к ним. И Славка хочет, хоть и строит из себя профессора Невозмутимости. И меня

пытается учить. Я потому и заперся здесь, – мальчик обвёл пальцем комнату, – чтобы он меня не доставал своими нравочениями. Что надо быть сильными, что мы мужчины, что теперь мы взрослые. Не хочу быть взрослым, – голос стал тише, будто Рейка рассказывал какую-то тайну, – К маме хочу. И к папе. Очень хочу.

Потом Рейка спрятал лицо, стыдясь своих слов, и мы ещё долго сидели в тишине. Своей руки я так и не убрала. Не знаю сколько прошло времени, но мне кажется, что Рейка уснул. Уснул во сне. Он звал маму и просил папу вернуться. Я гладила его, как когда-то меня гладила мама и думала о своих родителях. Как они умерли и как мне было грустно. Я, как никто, знала, что это такое. И потому дала себе в ту ночь обещание всегда быть рядом со своим другом. Во чтобы это не стало.

1962 год, январь

Прошло много времени с того сна. Рейка смирился со смертью родителей и даже остыл его гнев на брата. Его дядя действительно забрал их к себе. Он был архитектор и постоянно переезжал с места на место, а Рейка со Славкой вместе с ним.

Тогда-то и началось моё путешествие по Советскому Союзу. Где мы только не бывали: в пустынях, в березовых лесах, на морях, в горах. Через воспоминания своего друга, я побывала в самых разных уголках страны. В благодарность я стала проситься с дедушкой и сестрой в сосновый лес, что-

бы потом показать его Рейке. Там мы катались на лыжах и ледянках, смотрели на белок и играли в снежки. И вдруг, на одной из таких прогулок мне в голову пришла идея, как узнать имена друг друга (писать и говорить по буквам мы уже пробовали, испортив этим не один сон). В конце очередного сна, спустя уже пять лет знакомства, я стала неожиданно говорить:

– Знаешь, в Москве говорят довольно тепло, а вот в Архангельске гололёд. Дедушка недавно звонил в Рязань и говорит, что у них ещё снегопады, а вот в Ижевске солнышко. А я бы хотела в Анапу, погреться, потом в Норильск остыть, в Новгороде вкусно поесть и напоследок в Астрахань.

Рейка недоуменно хлопал глазами, и я явно видела, как в них стоял выбор: культурно спросить, как у меня с умом или напрямую обозвать. Потому я взяла палку и стала писать на снегу названия городов.

– Вот маршрут моей мечты: Москва, Архангельск, Рязань, Ижевск, Анапа, Норильск, Новгород и Астрахань. Понимаешь?

Я смотрела на друга и пыталась понять по его глазам понимает ли он. И тут я уже выдала последнюю подсказку:

– Ещё было бы здорово побывать в городе, который назван в честь меня, но, к сожалению, такого нет. А вот эти города есть.

Парнишка вдруг стал шептать названия городов, а потом перевёл на меня понимающий взгляд и... я проснулась. В

своей постели. «Блин!» – взорвалось в голове – «А ведь было так близко. Но надеюсь, он правильно понял». В потолок тут же полетела подушка, а затем я всё-таки встала с кровати.

Рейка не снился мне неделю. Это была самая длинная наша разлука за долгое время, потому я не на шутку испугалась. Он стал слишком важной частью моей жизни, потому, когда я наконец увидела его, то первым делом широко улыбнулась и даже хотела обнять его, но вспомнила чем это грозит, потому ограничилась распахнутыми руками. Мой друг тоже был рад меня видеть, но будто сильно нервничал.

– Привет, – коротко начал он без улыбки.

– Привет, – эхом отозвалась я и моя улыбка немного опала.

– Я тебе рассказать кое-что хотел, – он стал оглядываться вокруг, будто их могли подслушивать, а затем сделал глубокий вдох и выдал почти скороговоркой, – В Рязани пироги с глазами, в Омске свиньи толсты, Москва людьми полна, Анапа морем объята, Норильск в снегу завис.

Я какое-то время хлопала глазами, будто они могли помочь в восприятии этого бреда, но потом до меня дошёл весь смысл сказанных слов и... я захохотала. Это был одновременно радостный смех и пугающий. Потому как я секунда за секундой боялась, что сейчас нас разлучат с... Романом. Роман! Такое простое имя казалось теперь волшебным заклинанием! Только я пока не знала его эффекта. Решив про-

верить его позже, я кивнула растерянному Роману и смогла вымолвить:

– Это ты сам придумал или Славка помог?

– Сам, – обиженно ответил мой друг, но всё же добавил, – Славка только города припомнил. А то у меня это... плохо с географией.

– Зато с рифмой хорошо! – я снова заливисто засмеялась.

На этот раз друг не выдержал и отомстил. Мы снова были в сосновом лесу недалеко от Свердловска, стояла ранняя осень, потому вся земля в лесу была в иголках и шишках. Мальчишка поднял с земли еловую шишку и кинул в меня. Это на пару секунд остановило мой смех, но затем колючка будто нажала спусковой крючок и я, абсолютно не склонная к шалостям и грязи, зачерпнуло землю вместе с еловыми иголками и кинула в него. С этого момента начался колючий бой всем, что было на земле. В том бою пострадала только моя одежда и исколотые руки. И не только руки, особенно когда Роман повалил меня землю. Мы лежали и рвано дышали, отходя после боя, а затем мальчик прошептал: «Марианна» и замер. Я тоже замерла, ожидая пробуждения. Но его всё не было и не было. Тогда я осмелела и ответила: «Да, Роман». И снова лишь песни птиц. И мы всё также лежим и смотрим в тучное небо. Тогда я заговорила дальше.

– Твоё имя похоже на жанр книг.

– Да, знаю. А твоё очень необычное. У него есть сокращение?

– Нет. Но дома меня зовут по-другому. Без Анапы и Норильска, – я снова начала улыбаться, понимая, как это звучит, – А мне нравится вот так, полностью. Думаю, имя надо сокращать лишь в случаи, если у тебя проблемы с дикцией или если ты в опасности.

– Согласен. Но ты всё равно можешь убирать из моего имени Норильск. Всё равно это слишком холодный город.

И мы оба вновь рассмеялись.

1963 год

После того дня, между нами, что-то поменялось. Будто была разрушена ещё одна тонкая стена. Мы стали делиться тайнами, страхами, сомнениями. И хоть мы избегали прикосновений, но часто лежали на расстоянии десятка сантиметра и просто разговаривали или улыбались. От бабушки я знала, что мальчикам и девочкам нельзя находится так близко, но нас никто не видел, так что это было нечто, о чём мы никогда не разговаривали и не спрашивали. Тем более это было самое запретное, что мы делали из того, о чём шептались в школе или рассказывала по ночам Джо. Так что моя совесть была спокойна. А вот сердце стало творить странные вещи. И чем дальше – тем хуже.

Всё началось спустя год после открытия имён. Мы всё также называли друг друга Рейка и Ёжик, переходя на имена лишь в спорах или когда нужно было привлечь внимание. И вот однажды настал такой момент. Мы с другом шли по степи, где он недавно был проездом с дядей, и спорили

о каком-то фильме. Я разошлась настолько, что стала кричать, затем замолчала на секунды, чтоб перевести дыхание, и вдруг за моей спиной прозвучало хриплым голосом: «Марианна». В тот же момент обернувшись, я едва не коснулась его носа своим кончиком носа, настолько близко он стоял. Не знаю каким чудом мы не соприкоснулись рукой или другими частями тела, но замерев, мы не посмели шевелиться. Весь мир сузился до зелёных, будто весенняя трава, глаз и нашего дыхания. Тогда я впервые за шесть лет знакомства заметила, что они у него действительно зелёные, а не серые или ещё какие-то. А ещё что на его остром носу появились первые ямки от прыщей, а на скулах темный пушок. Только в тот момент мне захотелось назвать своего товарища по снам «юношей» или даже «парнем», но я лишь смогла выдавить:

– Что ты хотел, Роман?

Несмотря на то, что фраза была произнесена едва не шёпотом, она ударила по ушам обоим и мы тут же очнулись, сделав несколько шагов назад.

– Я? Да... да так, ничего. Просто... – парень замялся и спрятал глаза, а после и вовсе стал смотреть куда угодно, но не на меня, – В общем неправа ты насчёт фильма. Вот.

Его поведение и ответ вернули меня в прежнее раздражённое настроение и я, гордо взмахнув каштановой косой, обиженно бросила.

– Ну и пожалуйста.

После я специально коснулась его руки выше локтя, чтобы

прервать сон и всё что успела понять перед пробуждением — он вздрогнул едва ли не всем телом.

Следующие несколько снов наше общение стало напряжённым. Рей постоянно выглядел потерянным и старался не смотреть на меня, а однажды вдруг обнаглел спросил, почему я ношу такую короткую сорочку. На это замечание к своему ночному гардеробу я обиделась окончательно, и следующие несколько ночей надевала сорочку сестры, которая была мне очень велика и едва ли не тащилась по полу. В общих сновидениях я теперь просто показательно молчала, глядя на своего друга исподлобья, и гадала что случилось с моим вечно весёлым и уверенным в себе Ромой. Теперь я стала чаще называть его по имени, пока как на Рейку он походил всё меньше. Однако недели в сорочке до пола и моего холода хватило, чтоб юноша не смог сдержаться и вновь стал собой, начав с шуток из какой уральской сказки я украдала это платье. Так мы и договорились. Я попросила у бабушки с дедушкой новую сорочку, а Рома снова стал Реем, хоть уже и не Рейкой. Я же стала «Ежовым Величеством», «Колочей Марианной» и многим другим. Язвительные шутки и подколы теперь ссыпались едва ли не в три раза чаще прежнего, но это меня полностью устраивало. Так мы и общались ещё два года. Два года построенные на дружбе, шутках, но уже без дурачества, шалостей, непосредственности. В наших отношениях будто впервые появились границы, за которые нель-

зя было заходить и которые мы не обсуждали. Хотя сейчас я и понимаю, что если не обсуждать заряжённое оружие посреди комнаты, то рано или поздно оно выстрелит, но тогда я решила пренебречь советом великого. Однако через два года, шестого мая, именно это и произошло. Этот день я запомнила раз... и навсегда.

6 мая 1965 года

Это была напряжённая неделя, точнее её окончание. Ещё в понедельник Джоселин рассказала мне, а затем и бабушке с дедушкой, что она уезжает по распределению в Москву. Это обозначало, что я не увижу сестру, единственного по-настоящему родного человека, следующие три года. Естественно, моей первой реакцией был шок, ведь я думала, что благодаря прописке в Свердловске, довольно крупном городе, она останется здесь. Но позже, уже в нашей комнате, Джо пояснила, что сама попросилась не в Свердловск, а в Москву, чтобы наконец начать жить самостоятельно. Тем более, Москва город возможностей, и на реставрацию там много всего, а Джоселин как раз на реставратора и выучилась. Потому я поняла её, поддержала, покивала, но в душе всё равно расстроилась. Всё-таки сестра играла в моей жизни слишком большую роль. Однако прикусив губу изнутри, в четверг я проводила её на вокзал и молчала всю обратную дорогу, а потом ушла в свою комнату и долго плакала в кровати. Так я и уснула на мокрой подушке, свернувшись калачиком.

Мне успел присниться какой-то странный сон как я лечу

на крыльях вместе с Джо, а потом она приземляется на старинный поезд прошлого века, машет мне, а меня уносит ветром к разрушенному замку, где стоят молодой принц и принцесса, которые с грустью наблюдают за моим полётом. После этот сон мягко перетёк в другой, где я сидела на поле жёлтых тюльпанов и рядом, как всегда из лёгкой дымки, появился Рей. Парень вновь выглядел задумчиво, но как только он увидел меня и мои припухшие глаза, то его лицо стало обеспокоенным.

– Ёжик, что случилось?

Я помотала головой, пытаюсь придумать язвительную шутку, но при воспоминаниях об отъезде Джоселин, мои глаза вновь стали наполняться слезами, и я лишь просипела:

– Ничего.

Зная меня в разных состояниях, Рома подошёл ближе и, стараясь заглянуть мне в глаза, улыбнулся:

– Ну раз ничего, тогда у меня видимо сильные галлюцинации. Интересно это цветы так влияют или солнце? А может это у тебя аллергия на тюльпаны? Если так, то давай я выкошу это поле к Чертовой бабушке.

Я всё же не выдержала и улыбнулась. А затем рассмеялась. А затем наконец разревелась. При чём со всеми возможными звуками. Сипящими и хрипящими. И вдруг, когда я уже едва не падала от нахлынувших эмоций, Роман инстинктивно подхватил меня и... мы не проснулись. Мы всё также стояли на тюльпановом поле, хотя руки Ромы вполне явственно

касались моих голых плеч и прижимали к себе. Осознание пришло лишь когда я немного проревелась и почувствовала, будто нахожусь в тёплом коконе, пахнувший непривычно и необычно. Мой друг по снам был выше меня на пол головы, а руки у него были длинные и с большими ладонями. Так что создавалось полное ощущение тёплого и мягкого одеяла, которое закутало меня во всех сторон. Видимо что-то такое осознавал и сам парень, потому как он медленно, словно боясь, отпустил меня и шокировано уставился на меня. Его глаза хлопали, зажигая и гася тёмно-зелёные огни. Первая очнулась я.

– Мы здесь.

– Да, – Рей кивнул, не отрывая от меня взгляда.

– Мы не проснулись, – продолжила я констатировать очевидное.

– Похоже на то.

Больше в голову ничего не приходило. Мы продолжали стоять друг напротив друг друга, смотря в глаза. Я даже не помню чётко как тот день выглядел. Слишком много мыслей было в голове. Самая главная: «Я теперь смогу обнять его. Или взять за руку. Или прижаться плотнее». Свои недружеские чувства к Роме я осознала уже довольно давно, но это было входило в список того, что мы с ним не обсуждали. Да и правила наших встреч в стране Морфея не давали много шансов перейти к чему-то большему. А смысла в просто словах я тогда не видела. Так и жила. Но теперь... теперь я смог-

ла полноценно почувствовать весь трепет перед повзрослевшим другом, всю нежность внутри сердца при его появлении, каждую мурашку от его нахождения рядом. Теперь я могла...

– Марианна, – прервал бурю моих мыслей глубокий голос.

Я несколько раз быстро моргнула и поняла, что Рей смотрит на меня так, как не смотрел никогда. Его глаза стали тёмными, почти чёрными, лишь с тонким изумрудным ободком вокруг. Парень медленно наклонился ко мне и почти у самых губ прошептал:

– Раз мы можем касаться друг друга... Я хочу попробовать коснуться тебя... По-другому.

И он осторожно поцеловал меня. Сначала это было просто прикосновение и меня пробило током от контраста мягких губ и колючей щетины. А затем он отстранился и поцеловал ещё раз. Здесь я уже почти ничего не понимала, захваченная вихрем эмоций. И когда он спустя неясное количество времени отстранился, я лишь смогла дышать с закрытыми глазами. Спустя пару секунд я всё же открыла глаза и, видя перед собой такое родное и красивое лицо, решила прошептать.

– Рей. Кажется мы всё ещё здесь. А ещё... кажется я люблю тебя.

И проснулась. Резко, внезапно, будто на меня вылили ведро колодезной воды. Судя по тому какой мокрой была подушка и простыня, то долгое время я думала, что так и было. Слепо осматриваясь, я не могла поверить, что проснулась.

Сейчас. В такой момент. Мысленно я всё ещё была там и смотрела в Ромины глаза. А теперь я здесь, в тёмной комнате, где за окном звонко лает собака.

Перевернув подушку и сдвинувшись с мокрой простыни, я попробовала вновь уснуть. Иногда это помогало, и мы продолжали так случайно прерванный сон. Особенно если Рома додумывался сделать также. Но в этот раз сон не шёл. Я лежала полностью бодрая и могла лишь прокручивать пережитое в голове. На двадцатый раз мне надоело заниматься самоубеждением, что я всё ещё хочу спать, потому я встала и пошла на кухню. Там я взяла бабушкин успокаивающий чай и заварила себе без спроса. В тот момент мне было глубоко всё равно как сильно она будет ругаться утром, если обнаружит. Мне хотелось скорее уснуть и вновь увидеть своего... уже явно не только друга и товарища. После такого люди обычно начинали встречаться, а потом и вовсе женились. Но нам с Ромой до этого было далеко. Хотя бы, потому что мне было всего четырнадцать, а ему семнадцать. А ещё потому, что мы жили в разных частях страны и даже не знали фамилий друг друга. Только тут я осознала, что ничего не знаю о Романе, кроме имени, возраста и родного города. А ведь таких Ром было великое множество по всему Советскому Союзу. Того же возраста, в тех же городах. Без фамилии, отчества и даты рождения я не найду его, даже если захочу.

Твёрдо решив, что при следующей встрече обязательно скажу свою фамилию через загадку, которую Рома, конечно,

разгадает, я наконец пошла спать.

В ту ночь мы с ним не встретились. И в следующую тоже. И через неделю... И через месяц. Даже по прошествию двух месяцев совершенно обычных и ненужных снов, я всё ещё верила, что это временно. Что скоро мы снова встретимся. Но этого не произошло и через полгода. И вот тут я отчаялась. Рядом не было даже сестры, с которой это можно было бы обсудить. А бабушке с дедушкой я никогда не доверяла настолько, да и не знали они всей истории. В отчаянье, я стала писать дневник и рассказывать в нём всё происходящее. Это помогало, но не так сильно, как разговоры с Ромой обо всём или ночные откровения с сестрой. Тогда я стала писать письма Джоселин чуть ли не каждый день, но её ответ не приходил очень долго и это погрузило меня в ещё глубже в то, что сейчас бы я назвала «депрессией». Но тогда я такого слова не знала, а потому не понимала, почему день на день похож; почему я не хочу засыпать, а утром не хочу просыпаться; почему ничего не радует по-настоящему, и любая эмоция кажется фальшивой, натянутой. За несколько месяцев таких раздумий я очень сильно забросила учёбу, затем рассорилась с бабушкой, после и с дедушкой. Я понимала, что что-то не так, но сделать с этим, как мне казалось, ничего не могла. Я даже пробовала попроситься на звонок сестре, но бабушка сказала, что ей сейчас не до этого и не надо её отвлекать. И вот, я вновь написала сестре о своём состоянии и честно описала что чувствую и чего не чувствую. От-

вета от Джо не последовало, зато она приехала через неделю и, игнорируя возражения старших, сообщила, что забирает меня на месяц к себе в Москву. С учёбы меня отпросили, хотя учителя и директор были очень недовольны, но Джоселин, с только ей присущим талантом оратора, убедила их, что когда я вернусь, то опять буду одной из лучших в классе. Так я и оказалась в Москве, где днём читала необыкновенные книги, вручённые сестрой, а вечерами и на выходных, вместе с Джо бывала в красивых местах, на разных удивительных представлениях, в гостях у интересных людей. После мы всегда долго разговаривали о пережитом, о Роме, о моей жизни до и сейчас. Сестра больше убеждала меня, как в детстве, что он выдумка и что надо завести реальных друзей, но слушая истории, видя новое, знакомясь с людьми, я сама понемногу, через слёзы и смех, осознавала, что в моей жизни, кроме Ромы или Рея существует множество всего; что после того, что было в раннем детстве я достаточно сильная и самостоятельная, что я могу и хочу жить. Ни ради встречи с мистическим парнем из снов, ни ради старшей сестры или бабушки с дедушкой. А ради себя и того, что я ещё могу сделать. Это будто возродилось из моей души, как весенняя трава под тёплым солнцем.

В тот же месяц я открыла для себя, что хочу быть врачом. Даже не врачом, а именно медсестрой. Или ещё лучше травматологом. Помогать людям, делать перевязки, уколы, спасать жизни. Узнав об этом, Джо подарила мне книгу по ана-

томии человека и посоветовала подтянуть знания по биологии и химии, а после долго обнимала на перроне вокзала, что было на неё очень непохоже. Она сказала, что будет писать, чтобы я не смела подгружаться обратно в это состояние отчаяния, и что у меня всё будет хорошо. Я поверила ей тогда и уехала домой.

Дальше дни и недели полетели вновь, но теперь это было больше похоже на полёт воздушного змея. Я сообщила бабушке и дедушке о своих планах поступить на травматолога, чем вызвала их одобрение. После шло несколько месяцев, когда я обратно возвращалась к успехам в учёбе, параллельно готовилась к поступлению в медицинский. И вот, спустя три года, по окончанию 10 класса, я поступила в Свердловский медицинский институт. Там всё совсем завертелось: учёба, веселье, пары, лекции, комсомол, спорт, кружки и прочее. Два года пролетели мимо, я нашла себе подругу, меня нашёл воздыхатель, я отлично училась, разве что только зрение стало хуже. И всё было отлично... но одно утра в трамвае всё изменило.

19 сентября 1970 года

Это была осень, середина сентября. В наш уральский город уже пришли холода, но это был последний из деньков, когда ещё светило солнце. Вагон трамвая был почти полностью заполнен, люди ложились друг на друга спать, а утренние лучи солнца то ли грели, то ли слепили. Я стояла в самой толпе и шёпотом повторяла предыдущую лекцию, которую

сегодня обещали спросить. Погрузившись достаточно глубоко, я не сразу заметила, что меня неотрывно разглядывают. Только когда взгляд стал уже прожигать во мне отверстие, я отвела взгляд от окна и посмотрела в ответ. Это оказался парень с лысой головой, на полголовы выше меня и одетый в рубашку и брюки. Но несмотря на его обыкновенный вид, моё сердце ускорилося, по венам будто потекла кровь на пару градусов ниже, а голова из-за прилива кислорода в крови стала невесомой. Изумрудные глаза напротив тоже не остались равнодушны, в них читалось неподдельное удивление и недоумение. Парень стоял довольно близко, потому я сняла очки, чтобы разглядеть лучше, как вдруг:

– Марианна?! – прохрипел он негромко, но я почему-то услышала так, будто он сказал это прямо мне в ухо.

Его голос, его глаза, его лицо... Всё это, клетка за клеткой, восстанавливали стертые мной самой воспоминание, но даже вспомнив, я не хотела верить. Прошло наверно не больше минуты, мы даже не успели доехать до следующей остановки, но у меня в голове будто вновь прошли эти тринадцать лет. Смерть родителей, первая ночь в новой квартире, первая встреча с Рейкой, первый разговор по душам, трагедия Рея, разгадки имён, первые чувства, первый поцелуй, признание, исчезновение, отчаяние... Меня разбудил от воспоминаний толчок трамвая на остановке. Люди стали выходить, и, хотя это была не моя остановка, но я, неосознанно шепча: «Нет, нет, нет...» выбежала вместе с ними. Не огля-

дываясь, я помчалась по улицам, абсолютно не разбирая дороги из-за слёз, заслонивших глаза. Я бежала, и бежала, и бежала, пока ноги сами не упали от усталости. Тогда я просто села на грязную мокрую землю под деревом и продолжала плакать. Не знаю сколько сидела так, но, когда слёзы кончились пришло осознание: я неизвестно где, а первая пара вот-вот начнётся. Это отрезвило не хуже ледяной воды, потому я достала платок из сумки, вытерла лицо, затем сумку и попыталась оттереть одежду. Последнее оказалось почти бесполезно, потому, решив, что лучше так, чем не прийти на пары, я отправилась вперёд в надежде встретить кого-то и спросить дорогу.

Этим кем-то оказался дедушка, который, увидев мой неопрятный вид, сразу спросил, что случилось. Врать я умела не слишком хорошо, а потому сказала почти правду: что потерялась и в расстройстве чувств села на мокрую землю, испачкалась, а теперь пытаюсь найти путь в институт. Дедушка сочувственно покачал головой, а затем указал на запад и сказал, что идти прямо около пяти минут, а там выйду на Московскую и по Попова дойду. Я вежливо кивнула, поблагодарила и отправилась быстрым шагом в указанном направлении. Уже выйдя на Московскую, я поняла, что бежала в сторону института, что частично спасало меня от опоздания, но внутри всё равно не было так спокойно, как прежде. Перед глазами снова появились изумрудные глаза, полные непонимания, но я отогнала от себя эти мысли, твёрдо ре-

шив не вспоминать об этой встрече до конца учебного дня. Хотя бы для того, чтобы всё внутри улеглось.

Уже через десять минут я была в институте и скромно подошла к нашему преподавателю, прекрасно осознавая, как выгляжу. Рассказав часть правды, что упала в грязь, я отпросилась в туалет, навела там чистоту, и пошла в кабинет. Учение свет, а это придаёт сил, потому я одним рывком открыла дверь и решительно зашла в кабинет. Успела даже до начала лекции. Все разговоры на секунды стихли, но, когда я села на своё место – одноклассники вновь оживились, и теперь большинство разговоров вероятно были обо мне. А может мне так только казалось. Единственная подруга Света, сидевшая рядом, тихонько спросила:

– Что произошло? Почему опоздала?

– Да так, – слабо махнула я рукой, а после туманно пояснила, – Неудачное утро.

Света сделала вид, что всё поняла и тоже кивнула, но, зная, что нам вместе идти потом из института, приготовила все вопросы на потом. Хотя бы за это я была ей благодарна.

Вечером, по пути в библиотеку, я и вправду рассказала ей большую часть истории. Умолчала лишь о совместных снах, а все сны переделала во встречи наяву. Света ещё долго ходила в восхищении с этой истории, сказав, что ничего захватывающе и драматичней не слышала. Я на это лишь кивнула. Лучше бы это и вправду была обыкновенная история дружбы, но кто меня спрашивал.

Рома не появился неделю и все, включая Свету, стали забывать о том инциденте с одеждой. Однако это оказалось ненадолго.

В тот день, когда мы закончили, был уже вечер. За неделю я отвлеклась и почти забыла встречу в трамвае. Мной она воспринималась как сон или иллюзию. Я чётко решила для себя, что всё это мне только показалось, я это придумала, парень ошибся и я ошиблась. Что угодно, лишь бы не признавать, что это взаправду.

С этой мыслью я выходила из института, попутно разговаривая со Светой. Мы обсуждали недавнюю лекцию и договаривались вместе пойти в библиотеку, чтобы подготовить реферат. Но вдруг моя подруга замерла и удивлённо произнесла:

– А это ещё кто?

Я обернулась туда же и увидела Его. Это был Рома. Такой же, как в то утро в трамвае. И всё же не такой же. Теперь он был в заводской форме. В очень грязной заводской форме. Даже с моим зрением, я видела пятна от машинного масла. Это делало его ещё более... не привлекательным. А ещё стоял возле мотоцикла и, судя по шлему в руках, был его хозяином. Его взгляд выискивал кого-то и, благо, пока что не нашёл. Поняв, что вряд ли здесь внезапно нашёлся его старинный друг, я хотела аккуратно обогнуть его и уйти, чтобы вновь считать его воспоминанием, но как только я сделала несколько шагов по лестнице, Рома всё же меня заметил ме-

ня и окликнул:

– Марианна! Постой!

Здесь если кто-то и знал меня, то как Марину, так что сначала никто не понял кому это он, а я всё ещё упорно делала вид, что иду мимо. Однако, когда преследователь всё же уже перегородил мне дорогу, я поняла, что теряться в толпе поздно и решительно вздёрнула на него взгляд. Глаза в глаза, чтобы знал с кем имеет дело. Но изумрудные глаза были наполнены лишь нежностью и облегчением. Это разозлило меня окончательно. Ведь не может человек, что был иллюзией, Так смотреть! Даже в самых дурных снах. Тем временем, «моя нелогичная иллюзия» всё же заговорила:

– Я уж думал, что снова институтом ошибся. Или неправильно запомнил.

– Институтом? Как ты узнал? – подозрительно щурясь, спросила я.

– Твоя тетрадь. Там на обложке было написано «Фармакология», – парень указал на сумку, где и лежала предательница-тетрадь, – Я прочитал, пока гадал ты ли это. Потом понял, что это что-то медицинское. Вот и катался эту неделю по институтам. А ещё там было имя и фамилия. Но почему Марина?

– Это моё имя, – раздраженно пояснила я.

– Ясно. Ну тогда... привет, Марина, – Роман солнечно и широко улыбнулся.

– Привет, – отзеркалила я, – И пока, – поджав губы, я обо-

шла его и направилась к Свете, которая, как другие, глядела на нас.

Но не успела я отойти и на метр, как он догнал меня.

– Постой. Ну ты чего? Ты же помнишь меня? Помнишь, иначе бы не убегала. Ну, Ёжик..

Тут мои эмоции не выдержали и я резко остановилась, чтобы прорычать ему буквально в лицо.

– Я не Ёжик! Не Марианна! Я Марина! Ма! Ри! На! Запомни это. И забудь меня. Ты лишь выдуманный друг из детства.

Последний раз посмотрев в ошеломлённые глаза парня, я горделиво взмахнула косой и вновь пошла к подруге. В этот раз меня никто не остановил.

– Кто это? – спросила она, но увидев мой пылающий яростью взгляд, больше ничего спрашивать не стала.

В расспросах мы доехали вместе до библиотеки, сделали реферат и разошлись по домам. Света не спрашивала, что случилось между мной и Ромой, но взяла обещание на прощание, что завтра после института я ей всё расскажу. Я нехотя согласилась, хоть и понимала, что не расскажу всей правды.

Дома я повторила конспекты, прочитала реферат и легла спать. Но сон никак не шёл. В голове всё крутился этот Роман. С лысой головой и в этой заводской куртке и штанах он был страшно непривычным. Он уже не был похож на того юноши из моих снов. И всё же это был он. Без сомне-

ний. Эти два факта никак не укладывались в моей голове, и я накрыла её подушкой. Ещё и придавила сверху руками, чтоб все ненужные мысли выдавить. Не помогло и я откинула подушку прочь. Рома не выходил из моей головы, потому я стала прокручивать в голове лекцию по анатомии. Названия мышц, суставов и костей помогло и через время я всё же спала. Хоть и плохо.

Утром проснулась в разбитом виде. Кое-как собравшись, я пошла на учёбу и старательно занимала свои мысли лишь лекциями. Однако всё оказалось не так просто, ведь на парах меня ждала Света с требованием рассказать всё на ближайшей перемене, так что пришлось вновь рассказать почти правдивую историю. Про то, что мы были знакомы в детстве, потом резко прервали связь и теперь вновь встретились в трамвае. Свете эта история казалась невероятно романтичной и лиричной, так что она тут же стала убеждать меня, что я обязана его простить и, когда придёт в следующий раз, всё-таки поговорить с ним. Я согласилась, думая о том, что больше он может и не появится. Однако после учёбы меня ждал сюрприз.

Около института вновь стоял мотоцикл, а на нём сидел Рома с букетом. Не слушая восторженный вздох подруги, я быстрым шагом поспешила мимо бывшего друга, но он, как и в прошлый раз, перегородил мне путь. Я не успела и возмутиться, потому что он протянул букет с радостной улыб-

кой и проговорил:

– Ты сказала забыть тебя. А я не могу. И в знак моей памяти, вот тебе. Сам набрал.

В его руках были незабудки. Те самые, что растут крайне редко, но кажется есть в лесах. Я думала о том, где же он их взял, неужели в лес ездил, а в это время, сама не заметила, как взяла букет. Поняла это лишь когда почувствовала мягкий аромат. Быстрым движением хотела вручить обратно, но было поздно, да и глупо бы выглядело со стороны. Зато Рома теперь улыбался так, что видны были все зубы. Это делало его неопрятный вид ещё и диким.

– Благодарю, – вежливо бросила я и пошла дальше, всё ещё надеясь спугнуть его холодностью.

Тот день закончился так же, как и прошлый.

На следующий день всё повторилось, но мой новый поклонник был уже с какими-то колючками. Сказал, что раз я не «Ёжик», то мне нужны колючки для защиты. Потом следующий день и в руках лютики. Сказал, что раз в городе закончилось солнце, то теперь у меня должно быть своё. Я сказала, что больше люблю тучи. На следующий день герани и объяснил, что это маленькие синие тучки. Потом он спросил какие цветы я люблю, я ответила: «Не гадай» и он подарил мне следующим вечером ромашки. И так день за днём. Букеты всегда оставались у Светы, потому как ей в общезнании было проще объяснить откуда цветы, чем мне дома. Счастливая подруга уже гадала какие цветы будут сегодня, каж-

дый раз придумывая что-то своё. А Рома всё продолжал нас удивлять. Маки, потому что я покраснела, когда ругалась на него. Герани, потому что я такая же горделивая и прекрасная.

Всё чаще он откуда-то брал лишь садовые цветы, всё ещё объясняя причину как-то оригинально. Но варианты цветов закончились, даже садовых, так что он стал дарить букеты из нескольких цветков. При чём уже без объяснений, только с той же неясной улыбкой. Я не обращала внимания на их содержание, пока однажды Света не решила присмотреться к ним поближе.

– Белые астры и белые гиацинты. Это же буквально признание в любви! – подруга посмотрела на меня с глазами полными неистового восторга, – Я в книге из дома родителей про такое читала. А что, если он молчит, потому что цветами разговаривает?

– Он? – я с сомнением посмотрела на букет, – Вряд ли. Судя по его виду, он не способен на такие тонкости.

– Вот и проверим, – энтузиазм девушки уже зажегся и его была не погасить, – Завтра подарит тебе очередной букет и поглядим.

– Поглядим, – в задумчивости отозвалась я, пальцами аккуратно глядя лепестки.

А следующим вечером были розовые розы. Света расцвела в улыбке и сказала, что это цвет нежной любви. И где он их взял было не ясно. Но было приятно и на следующий день

я впервые улыбнулась ему. Перемену лица Ромы я запомнила навсегда: неясная привычная улыбка, изумление, секундно-нахмуренные брови и в конце сияющая улыбка. От этого моя улыбка тоже стала ярче. Эту перемену заметила видимо все те, кто стоял возле института. Что не могло не закончиться историей, что и произошло на следующий день.

В тот день пары закончились немного позже обычного и потому я вышла вместе с толпой, а не впереди её. Заметив Рому, я направилась к нему, но не я одна. Не успела я спуститься по лестнице, как вдруг к моему цветочному гению подошли трое. Издалека я не сразу поняла кто это, однако, подойдя ближе, я узнала их. Сергей и его дружки Антон и Стас. Все трое учились на курсе старше нашего, и Сергей долго ухаживал за мной год назад, но затем сдался, не получив ответа. Потому как его цветы я спокойно вручала обратно или вовсе игнорировала, а билеты в театр и кино возвращала через как раз-таки Антона и Стаса. В отличии от Ромы, к ним я действительно ничего не чувствовала, а с своим старым другом лишь упёрто притворялась.

Все эти мысли проскочили в моей голове зайцем, пока я спешила к компании. И вот уже, когда я была совсем рядом, Сергей и его товарищи тоже меня заметили, потому стали напирать на Рому сильнее и громче.

– Работяга, хочешь мы тебе форму продезинфицируем спиртом? А то воняешь, будто купаешься в машинном масле, а не в воде.

Лицо Романа было не узнать. Широкая улыбка превратилась в тонкую полоску, напоминающие линию от карандаша. Тёмные брови сдвинуты в центр, глаза сверкают сдерживаемой яростью, все черты лица обострились. От него даже запах сегодня был острее и больше пахло железом, чем маслом. Я видела, что парень едва сдерживался, чтобы не ответить что-то грубое и посылающее в определённом направлении, но тут он увидел меня и переменялся. Лицо немного смягчилось, тонкие губы превратились в извиняющуюся улыбку, брови немного разошлись, но вот взгляд... взгляд остался звериным. И с улыбкой он выглядит ещё более жутко.

Видимо это же почувствовали ребята, потому как нечаянно сделали шаг назад, а Рома вдобавок ещё проговорил низким голосом:

– У вас претензии к моему запаху? Однако я предпочту пахнуть как честный рабочий человек, чем как алкоголик и тунеядец. А вы, товарищи?

На это Сергей уже не смог ответить что-то разумное, а я молчала, переполненная чувствами. Там была и гордость за друга, и восторг его ответом, и небольшой стыд за моё неудовольствие запахом, и непонятное восхищение его видом и силой. Всё это перемешалось, потому, когда Сергей ушёл и Рома вручил мне новый букет голубой гортензий, я лишь смогла выдохнуть и все мои эмоции смогла отразить в одном слове:

– Спасибо.

– Не за что, – парень вновь улыбался искренне, ласково и зелёные глаза отразили улыбку, – Хочешь я тебя подвезу домой?

Я взглянула на железный агрегат, потом на Свету, которая быстро кивала, а затем, сама, не зная почему, тоже кивнула. Рома на это расплылся в улыбке и протянул мне шлем и тёплый подшлемник. Я села, пока не передумала и Рома поспешил следом. Быстро стянув шапку и засунув её в сумку, я натянула подшлемник, как получилось, сверху шлем. И лишь только когда завёлся мотор, а мы резко сорвались с места вдруг осознала – только что на глазах всего института я уехала с парнем на мотоцикле. При чём даже не в коляске, а сев за его спиной и обхватив сзади. Ужас! Кажется, завтра меня ждёт серьёзный разговор с ректором. Интересно, из комсомола за такое выгоняют? Если да, то бабушка с дедушкой такое не переживут. И я возможно тоже.

С этими мыслями я и не заметила, как мы выехали из города и теперь неслись по шоссе вдоль леса. Поняв, что так и не сказала Роме свой адрес и не знаю куда мы едем, я заволновалась, но он будто почувствовал это и остановился на обочине. Сняв шлем, он обернулся ко мне и посмотрел нечитаемым взглядом. Без улыбки. Я тоже сняла шлем, боясь заговорить первой, но свой страх спрятала глубже. Но лицо без улыбки держалось не больше половины минуты. Роман снова расцвёл улыбкой и произнёс:

– Ты такая красивая, когда растрёпана ветром.

Я повела рукой по голове и поняла, что, да, несколько прядей выбились из-под криво надетого подшлемника, обрамляя волнами волос лицо. Не считая это приемлемым, я стала убирать их пальцами и тем временем спросила у виновника, всего произошедшего:

– Куда мы едем?

– Пока не знаю, – он легко пожал плечами, – Я пока просто катал тебя, чтобы ты привыкла. И, может быть, почувствовала дорогу. А сейчас я думаю ты скажешь мне свой адрес и тогда я доставлю тебя туда.

– Великолепно, – не пожадничала сарказма я.

Всё ещё сомневаясь, назвала адрес, чтобы хотя бы знать куда еду. Рома на это весело улыбнулся, кивнул и мы отправились в путь. Теперь я больше смотрела вокруг, чем в себя, потому «почувствовала дорогу». Это того стоило! Сжимающее сердце чувство скорости. Запахи мороза, леса и пыли, сменяющие друг друга каруселью. Холодящие нос и щёки ветер, который продолжал играть с моими волосами. Всё это смешалось в калейдоскоп эмоций и когда мы наконец свернули к улицам города, я вдруг вспомнила нечто важное. Будто оно само залетело мне в голову.

– Останови здесь! – крикнула я сквозь ветер, но мой водитель всё равно услышал.

Свернув на ближайшую обочину, он подождал пока сниму шлем и теперь смотрел выжидающе. Я же, поправив причёс-

ку и сменив подшлемник на шапку, озвучила причину остановки максимально, как мне казалось, вежливо:

– Дальше ехать не надо. Я сама дойду. Спасибо, что подвёз.

Роман тоже снял шлем и брови его оказались нахмурены, будто я сказала какую-то несуразицу.

– Почему? – наконец сформировал он вслух.

– Потому что бабушка уже может быть дома, а окна нашей квартиры выходят прямо на двор.

О подругах бабушки на скамейках я промолчала, чтобы не выглядеть ещё более странной. Ибо взгляд Ромы уже становился всё более хмурым.

– И что, если она тебя со мной увидит? Или ты беспокоишься, что я не был ей представлен? Так ведь это можно исправить даже сегодня. Я доведу тебя до дома и представляюсь сначала ей, а потом и твоему деду.

Я быстро, чтобы мой старый друг не заметил, осмотрела его комплект из телогрейки в пятнах, мотоцикла и утеплённого подшлемника, прикрывающего лысину. Обижать того, кто мне уже давно нравился и ничего плохо давно не делал, я не хотела, а потому лишь покачала головой и, старательно подбирая слова, пояснила.

– Не сегодня. Давай я представлю тебя им в другой день, когда ты будешь во всей красе. А то сегодня ты после работы и дороги, так что не уверена, что это получится так хорошо, как могло бы. Первое впечатление ведь самое главное, –

в конце я ободряюще улыбнулась и сердце застучало чуть быстрее, когда Рома улыбнулся в ответ.

– Что ж, ладно, – сказал он, надевая шлем, – Тогда до встречи завтра.

– До встречи завтра, – отозвалась я.

Дойдя до дома, я коротко поговорила с бабушкой о делах, а после отправилась в свою комнату. Открыв тетрадь с лекциями, я начала что-то повторять, но в голову ничего не шло. Все мысли были только о моём старом друге, о моей первой любви, о моём новом поклоннике. Точнее, о единственном поклоннике, который добился успеха. И не то, чтобы их было много. Кроме Сергея и Ромы это было ещё двое парней, и то на первом курсе, и то через полгода моих мрачных взглядов они решили, что удача их ждёт в другом месте. А Сергей пытал удачу ещё очень долго, но тоже ничего не добился, потому как кроме учёбы и будущей профессии я не видела перед собой целей. Но тут появился Рома... Странно, но за эти несколько месяцев ежедневных (кроме выходных) встреч с символическими цветами и сегодняшней поездки на мотоцикле; с той заботой и любовью, что светилась в его глазах; с той решимостью и простотой его действий – я наконец захотела вновь поговорить с ним. Поговорить как в старые добрые времена. А ещё задать множество вопросов. Где он был все эти годы? Как нашёл меня? Что делает и чем занимается? Решив для себя, что завтра после института я предложу ему поговорить, я закрепила в голове это решение

и вереница мыслей наконец успокоилась. Я достала книги и села читать, а на губах вновь гуляла улыбка.

Удивительно, но на следующий день меня никто не вызвал к себе и даже на собрание комсомола никто об этом не говорил. Лишь Сергей стрелял глазами со своего места и Света, уже после собрания, расспрашивала как всё прошло. А я лишь пожимала плечами и загадочно улыбалась подруге, говоря: «Просто домой отвёз». Однако Светлана, будущий фармацевт, уже знала меня и все мои редкие улыбки, потому для сердца прописала мне себя, сверкающую радостью, а для нервной системы просила всё ей рассказывать. Так и лечила.

Вечером, зная моё расписание, Рома вновь ждал около института. Помня свой план поговорить, я направилась к нему, но внезапно меня окликнули.

– Волошина, можно тебя?

Я немного напряглась от обращения, но увидев, что это всего лишь Сергей, подошла к нему и неласково глянула, мол: «Что хотел?».

– А ты чего с этим... – парень запнулся, видимо подбирая интеллигентные слова, – «носителем лишней хромосомы» катаешься? Он тебе кто?

– А тебе какое дело? – холодно поинтересовалась я, мельком глянув, как Рома идёт в нашу сторону.

– Да так, о твоей репутации беспокоюсь. Она у тебя и так чистотой не отличается, – Сергей значительно глянул на меня, выделяя голосом последние три слова.

Мне будто лёд под одежду сунули от его слов, но виду я старалась не подавать.

– И что с моей репутацией? Преподаватели вроде не жалуются, ректорат к себе не вызывает, на собраниях хвалят. Ты ничего не путаешь?

– Всё это так. Учёба, кружки, собрания. Но мы то все знаем, – его голос стал вдруг мерзким, как слизь, хоть он и пытался сделать его сладким, – откуда ты пошла. Чья в тебе кровь не забыла?

Я похолодела уже вся изнутри. Откуда он знает? Как выяснил? Кому сказал? Все эти вопросы неслись во мне, будто скорый поезд. А лежала на рельсах под ним и не могла встать. Единственный мой страх. Единственное слабое место. Единственное, что я скрывала даже от самой себя. Моё происхождение. Тайна моих родителей. То, что произошло до встречи с Реем.

Наверно всё это отразилось на моём лице, потому как, почувствовав слабость, Сергей стал напористей и даже сделал шаг вперёд, шепча мне на ухо со свистом.

– Не бойся. Я сохраню твою тайну, если ты оставишь этого с прямым изгибами и применишь мои ухаживания. Тогда твоя репутация останется такой же чистой. Станешь моей невестой, затем женой, а после будем жить и служить медицине, забыв о прошлом. Вместе мы...

– Отошёл от неё, проспиртованный.

Незаметно для меня, к нам подошёл Рома и теперь навиги-

сал над моим мучителем угрожающей скалой. Сергей сразу отступил и я, сама того не поняв, в несколько шагов спряталась за другом. А он продолжал нависать над тем, кто едва не сломал всё то, что я и мои родные строили годами.

– Он сделал тебе больно? – наконец заговорил Роман, хотя голос его был больше похож на гортанное рычание.

– Нет, – мигом ответила я.

– Ты хочешь с ним ещё поговорить? – парень не отрывал от неприятеля тяжёлого взгляда.

– Нет.

– Поехали?

– Да.

Рома кивнул вслед за моим согласием, затем развернулся и пошёл обратно к мотоциклу. Лишь сейчас я поняла, что вновь привлекла почти весь институт, включая преподавателей. Однако осуждения в их глазах я пока не видела, лишь интерес. Хорошо, что наш разговор никто...

– Значит, ты выбрала свою судьбу, – закричал вдруг во весь голос Сергей, а после добавил едва не по слогам, – Фрау Мюллер!

В этот момент мне почудилось, что сердечный клапан перестал работать. На целых пять секунд. И вместе с ним остановилось всё вокруг. Хоть я понимала, что это невозможно. Но всё же...

Время вновь понеслось, когда я почувствовала, как Рома молниеносно рванул назад с уже занесённым кулаком. Он

будто бы за мгновение оказался рядом с обидчиком и вот тот уже падает от удара в нос, а Рома заносит кулак, чтобы ударить ещё раз, и ещё раз, и...

– Рей, стой! – наконец очнувшись, закричала я.

И хотя я кричала охрипшим от эмоций голос, а до него было около десяти метров, но, каким-то Чудом, он меня услышал и почти сразу обернулся. Его глаза горели зелёным, будто два огня. И в них я видела медленное понимание вперемишку с яростью. Не дожидаясь, пока сюда прибегут дружки Сергея или кто-то не вызовет милицию, я вновь обратилась к своему защитнику, зная, что он меня услышит.

– Оставь его. Поехали. Пожалуйста.

И он кивнул. Кивнул и пошёл ко мне. Я же встретила его и взяла за руку. В голове забилась какая-то мысль вроде: «Так нельзя!», но её смыло волной других мыслей, одна другой ярче. На их гребне я не заметила, как была уже на мотоцикле за спиной Ромы, и мы неслись по улицам города. Прижавшись ближе, я прошептала: «Давай на Михайловское кладбище», а парень, натянутый как струна, лишь коротко кивнул.

Мы приехали довольно быстро. А может мне так показалось. Пройдя мимо белокаменных строений и сотни надгробий, я остановилось возле одной небольшой могилы. Мой друг остановился рядом и какое-то время мы молчали, глядя на могилу. На фото была молодая девушка в солдатской пилотке. Красивая, строгая, с русыми «баранками». Рядом с

именем и датами жизни горела красная звезда героини. Почётно и значимо, добавляя этой могиле объяснения почему похоронили на таком старинном кладбище среди таких же героев. Но мне от этого было лишь хуже.

– Это Волошина Елена Денисовна, – начала я негромко, – Её отец морской офицер, мать герой научного труда и член партии. Она сама когда-то выучила пять языков, отучилась на учителя иностранных языков, а во время войны была переводчиком на передовой. После войны она продолжила работать на других фронтах переводчиком. Как видишь, домой она не вернулась, погибла в 1956 году.

– Соболезную, – с тихой печалью отозвался Рома, – Ты на неё похожа.

– Благодарю. Она действительно была очень красивой. Героиня, комсомолка, красавица. На неё скорее похоже Лена, моя старшая сестра. Однако... – я сделала глубокий вдох, как перед прыжком в воду, и смогла сказать, – Это не моя мама.

До Романа ещё пару секунд доходило, а затем он недоуменно уставился на меня.

– Что?

– Она не моя мама, – повторила я на удивление ровно.

– Но... фамилия, годы, внешность. Всё совпадает.

– Совпадает. Потому что так решили мои бабушка и дедушка. Когда-то давно, где-то тридцать пять лет назад, жила-была одна свердловская девушка по имени Мария. У неё

была интеллигентная семья: отец, мать и младшая сестра. Прекрасная жизнь в достатке и успешная учёба в институте. И вот однажды познакомилась она в институте с парнем Ульрихом. Он был из прибалтийских немцев, живущих на Прибалтике уже три поколения, но верных своим немецким корням. Именно это его и погубило, – сдавленно вздохнув, я нашла в себе силы продолжить, – Пара полюбила друг друга и поженились. Оба молодые, чистые сердцем и совестью. Всё было прекрасно... но однажды вышел приказ. Всех, у кого еврейская, японская, немецкая и другая иноземная кровь, а особенно кто не верен советским идеалом, депортировать или трудовые лагеря. Из-за семейной культуры наследия немецких традиций, под этот список попадал и Ульрих. Узнав об этом, Мария побежала домой, к родителям. Однако те, услышав, что светит любимому мужу дочери, сказали ей срочно развестись и отречься от него как можно скорее. Девушка не послушала их, стала спорить. Её отец тогда сказал: «Твоя жизнь. Тебе решать». Мария ушла и больше домой не приходила. Долгое время ей с мужем удавалось избежать депортации или ссылки. Но через несколько лет началась война, фашисты напали на СССР, потому супругов Марию и Ульрих Мюллер погрузили в вагон и увезли в Сибирь с сотнями таких же, как они. А в семью Волошиных из двух дочерей осталась одна. Елена.

Я вытерла пробежавшую мимо слезу рукавом, выровняла голос и продолжила. Сама не заметила, как Рома аккуратно

обнял меня за плечо и прижал к себе.

– Шли годы, шла война. В трудовом лагере у супругов Мюллер родилась дочь Джоселин. Каждую ночь они рассказывали ей сказки и шёпотом пели немецкие песни. А днём тяжело работали на лесоповале. Война закончилась, а любовь в семье Мюллер нет. У них родилась дочка Марианна. Но тяжёлые годы труда давали о себе знать и первым не выдержал Ульрих. У него стало прихватывать спину и однажды в спине замкнуло, когда он тащил бревно с лесоповала. Он упал, а бревно добило, упав сверху. Зато больше спина никогда не болела. Ничего больше не болело. Спустя несколько лет не стало и Марии. Она просто заболела лихорадкой и сгорела за пару дней. Это произошло в 1956 году и супругам Волошиным пришлось сразу две похоронки. Почётная смерть во имя Советского Союза младшей дочери и жалкая смерть от лихорадки старшей дочери. На волне чувств, супруги Волошины решили впервые за долгие годы узнать о старшей чуть больше. И выяснили, что у неё осталось две дочки, их внучки. Связавшись через свои каналы, они выяснили как им можно забрать внучек себе. Для этого их нужно было удочерить, полностью поменяв имена, переписав все документы и по сути... стереть их родителей из биографии девочек. Так они и поступили. Забрали их к себе в Свердловск, оформили новые документы и приказали внучкам забыть прежнюю жизнь. Всем вокруг они рассказывали, что это дочери их младшей дочери. Что отец неизвестен, потому

у девочек отчество деда. Так появились Волошины Марина и Елена Денисовны. Урождённые Мюллер Марианна и Джоселин Ульрих. Я и Джо.

Мы с Ромой долго молчали. Просто смотрели на фотографию тёти и молчали. Тишина и так говорила очень многое. Наверное, единственный назревший вопрос парень задал спустя минут пять тишины.

– А могилы твоих родителей остались там?

– Да, – глухо ответила я.

И почему именно этот короткий ответ будто выстрел добил меня окончательно. Первая, вторая, третья слеза. И пошёл град из сдерживаемых эмоций. Одна за одной они покатились по моим щекам, а ноги подогнулись от слабости. Роман быстро меня подхватил и почти на руках донёс до скамейки. А я всё продолжала плакать. На взрыв, будто выдавливая гнойную рану и одновременно поливая её антисептиком. Плакала и не могла остановиться, а Рома всё продолжал обнимать меня за плечи, а после и вовсе прижал так, что я уткнулась носом ему в грудь. Так мы и сидели, пока слёзы в моих глазах не кончились. Но даже тогда, когда успокоилась и просто дышала, мой друг не отпускал меня и я мерно вдыхала запах мыла, железа и масла. Хотя последний сегодня он был в разы слабее.

Немного отстранившись, я внимательно осмотрела Рому: на нём чистая одежда. Чистая фуфайка, такие же чистые штаны и даже валенки, кажется, почистил. Изумлённо огля-

дев его с головы до ног, я вернула взгляд обратно к лицу и шапке-ушанке, немного съехавшей от объятий. Я хотела что-то спросить про одежду и другое, но поймав его изумрудный взгляд не смогла отвести глаз. Так и сидели неизвестно сколько минут, глядя друг на друга и слушая как каркает одинокая ворона на ветке.

Наконец следы слёз на моих щеках высохли и солёный раствор стал вызывать зуд. Это немного пробудило меня, я достала из сумки платок и вытерлась. Рома тоже будто очнулся и встал, предлагая мне руку.

Вместе мы в молчании дошли до мотоцикла, и мой верный друг отвёз домой. Точнее до того же места, где высаживал в прошлый раз. В благодарность за понимание и то, что мы закрыли пока тему родителей, я тепло улыбнулась ему и сказала:

– Мы со Светой завтра допоздна будем в библиотеке, так что в институт можешь не заезжать.

– Может тогда я заеду за тобой в библиотеку к нужному часу? – предложил мне он с той же улыбкой.

– Нет, не нужно. Я пойду провожать Свету, а оттуда до дома уже не далеко.

– И всё же я не могу в поздний час позволить тебе идти одной, – настаивал Рома.

– Тогда, – я на секунду задумалась насколько это верное решение, но всё же закончила, – Можешь встретить меня возле общежития, и мы вместе пойдём домой.

Изумление и радость на лице Ромы были легко объяснимы. Я впервые согласилась погулять с ним в реальности, пусть и от общежития до дома. Но вот то что и моё сердце замерло в ожидании ответа, а к лицу предательски побежала краска, я смогла объяснить лишь переутомлением от множества переживаний.

– Договорились, – прервал мои размышления друг и отправился к мотоциклу, махнув на прощание, – До завтра, – а после добавил тише, но я услышала, – Марианна.

Волна чувств накрыла меня в тот же миг и за ней я даже не услышала, как мой воздыхатель уехал, хоть это и было весьма громко. Не смогу, наверное, даже описать все эти чувства, потому как они перемешались, будто вещества в пробирке, но эффект был как от укола адреналина. Сердце стучит, мысли перегоняют друг друга, нервы на пределе. Рома принял меня. Принял моё прошлое. Понял, насколько истинное имя «Марианна» личное для меня. Он понял и принял. И от того эмоции лишь ещё сильнее захватывали. И в этом состоянии я едва дошла до дома.

Перегруженная эмоциональными всплесками, я просто легла на свою кровать и уснула. Даже не разделась, за что, проснувшись, получила выговор от бабушки. Но это были мелочи, по сравнению с тем, что и домашнее задание я не сделала, а ведь скоро уже сдавать. До практики и сессии нужно сдать всё, чтобы оставаться одной из лучших в группе и на факультете. Чтобы не позориться и не позорить семью.

Чтобы не быть такой, как родители... Сегодня я вспомнила, что в детстве в пылу ссоры, бабушка часто говорила мне, как я похожа на мать. И это было наихудшее оскорбление. Сегодня это отдаётся тупой болью, но десять-двенадцать лет назад это было хуже любого наказания. А сейчас, когда мне вскрыли старые раны, кинули в них грязью, затем хорошенько промыли, выдавили гной, обработали антисептиком и напоследок дали мягкую вату с мазью – я не знала, что чувствую после таких процедур. Вроде и болит, но уже не так.

Решив подумать об этом позже, я поспешила из дома на трамвай.

Тот день прошёл стремительно. Вот я еду в институт в снежном трамвае, а вот уже сижу в библиотеке и пытаюсь успеть доделать задание до закрытия. За окном глубокая темнота, над столом тёплый свет лампы, рядом зевает Света. Всё это усыпляет, но я с явной упёртостью продолжаю листать толстую пыльную книгу. Наконец моя подруга по несчастью не выдерживает и с громким хлопком закрывает книгу, одновременно заявляя:

– Всё, пошли домой.

– Мы же до закрытия договорились, – сонно напоминаю я, но Светлана, пунктуальный будущий врач, указывает на часы.

Я уныло киваю и, с сожалением, захлопываю и свою книгу. Вместе мы относим сокровища местного библиотекаря на место и выходим из здания, обсуждая грядущие экзамены.

ны. Когда же дорога приводит нас к общежитию, я уже открываю рот, чтобы попрощаться с подругой, но вижу Рому и на какое-то время замираю. Он снова чистый и свежий, а в его руках белые фиалки. Света тут же начинает посылать мне взгляды мол: «Это что-то значит!», но не успевает рассказать, что именно, потому как мой прекрасный друг с фиалками подходит к нам и, вежливо кивнув Светлане, вручает мне цветы. Я глубоко вдыхаю их аромат и едва заметно улыбаюсь, хотя сердце прямо-таки плавится от того, как быстро начинает качать кровь. Рома тоже улыбался, гордо и счастливо. А понятливая подруга тут же попрощалась и пошла к себе, оставив нас наедине с друг другом и ночной улицей.

Не помню, о чём говорили в тот вечер, но в конце, возле моего дома, мы договорились, что защитнику моей чести лучше теперь не появляться возле института, потому он будет провожать меня от библиотеки. Благо бывала я там едва ли не чаще, чем дома. В тот день, я впервые принесла цветы домой, правда сказав, что подарили из благодарности.

А ещё Рома всё больше узнавал обо мне, а я о нём. Всё то, чем мы не могли поделиться за все эти годы. Он рассказал, что мечтает о том, чтобы собрать свой собственный мотоцикл с нуля, и о сыне, которого однажды прокатит на этом мотоцикле. Я же показала ему своё любимое место в Свердловске: павильон «Кафе-мороженое» на набережной у дома Севастьянова. Там мы пару раз ели и Рома не переставал радоваться моему довольному лицу, которое было всё в моро-

женном. Потому вскоре это стало наше общее любимое место.

И так шёл день за днём, неделя за неделей. Мой сердечный друг провожал меня поздно вечером, иногда подвозил на мотоцикле, если дороги были не слишком заснеженные. А по выходным, после кружков и актива в институте, мы шли или ехали по городу и в конце непременно приходили в кафе-мороженое или в пельменную. Но вот в двери постучала зимняя сессия и я стала пропадать за учёбой, потому мы виделись всё реже. Рома лишь провожал меня поздно вечером, и то я шла и повторяла конспекты, а он лишь сопровождал молчаливым стражем.

Наступил Новый год. Джо прислала открытку с поздравлениями, а чуть позже пришёл конверт. В конверте было письмо и фотография моей сестры с группой каких-то людей. Все были в очках, а сзади был зал музея. А в письме она рассказывала, что работает теперь в «Музеи живописной культуры» и что заказала звонок на субботу. Конечно же, она хотела в основном поговорить со мной и это читалось среди строк, но в субботу пошли и бабушка с дедушкой. Вот и пришлось мне ждать десять минут, чтобы потом за пять минут рассказать ей о Роме и учёбе. И то, о Роме приходилось говорить не напрямую, но несмотря на это и плохую связь – сестра меня поняла и пожелала удачи.

И не знаю, как так случилось, но после этого звонка у нас с Ромой всё пошло очень напряжённо. Может дело было в

моей занятости, может в том, что я подарила ему на Новый год шарф со словами: «Он чистый и вкусно пахнет», а может я и вовсе просто «накаркала», рассказав, как у нас всё отлично, но... напряжение было и с каждым днём нарастало. И завершилось это всё взрывом одного вечера.

Площадка возле общежития. Рома как обычно встретил меня от Светы и провожал домой, но сегодня я пыталась заговорить, а он молчал, будто язык онемел. Постучав в «закрытые ворота», я тоже замолчала. Но вот мы уже подошли к моему дому и я развернулась, чтобы попрощаться, а он вдруг внезапно наклонился и поцеловал меня. Прямо в губы. Моё артериальное давление подскочило, сосуды сначала расширились, потом сократились, на коже лица и шеи появилась красная пигментация. Я застыла столбом и в голове ни одной мысли. А потом пришла лишь одна мысль. Полная возмущения мысль. «Да как он мог?». Как мог поцеловать меня тут, на глазах всей толпы прохожих? Как мог не спросить разрешения? Как мог вот так без слов и признаний? Зачем он это сделал? Что хотел этим сказать? Что я нравлюсь ему? Тогда почему не признался сначала в чувствах?

Всё это скорым поездом проносилось в моей голове. Но вслух я ничего не сказала. А надо было! Потому я резко оттолкнула его, но вместо заготовленной речи выдохнула ряд пузырей-фраз:

– Да как ты.. Зачем ты... Что ты.. Ах ты! – и вlepила ему пощёчину.

Рома стоял как громом поражённый. Я тоже, потому как сама не ожидала от себя такого. Сказать и высказать – да, собиралась. Ударять – нет! Но что теперь делать – не представляла. Наконец один из нас очнулся и это была не я.

– Ты с ума сошла? – поинтересовался Роман ошарашенным голосом, при этом удивленно глядя на меня.

– Не знаю, – растерянно призналась я, но всё же горделивость пересилила шок и брови вновь сошлись на переносице, – В смысле... что?! Да ты... иди ты! Я не сумасшедшая!

И чтобы вновь не ударить его, что казалось ниже моего достоинства, я зашагала прочь. А Рома не стал догонять.

Мы впервые за полгода перестали общаться. Резко и грубо. Будто топором важный орган вырезали. И теперь он ныл и болел. А сделать я ничего не могла. Сердце наполняло чувство вины и одновременно обиды. И не понятно было, что сильнее. Наверно логика. Потому что будущий врач во мне твердил, что мои эмоции – это лишь химическая реакция в организме, и ничего более. Да и не могут быть чувства в сердце, там только кровь есть. Но тогда что же это внутри так разъедало каждый раз, когда я ехала на трамвае или шла одна домой?

С такими мыслями я и жила следующий месяц. Первые дни ждала и искала взглядом своему другу и сопровождающего. Своего Романа. Искала возле института, возле библиотеки и общежития. Даже возле своего дома. Но он исчез. Как и много лет назад. И это било сильнее, чем всё осталь-

ное. Однако мои мучения прекратились внезапно, резко и со скрежетом тормозов.

Это было начало марта. Время гололёда и метелей. Весна в нашем городе ещё крепко спала, каждый год давая своей сестре Зиме царствовать до последнего.

Я шла вдоль улиц глубоко в своих мыслях. Но вдруг мой задумчиво-блуждающий взгляд остановился на парне, что стоял возле дороги. Его профиль показался мне до скрипа в сердце знакомым. А когда он стал оглядываться по сторонам, проверяя наличие машин, я узнала его. Рома! С почему-то отросшими волосами, в приличном костюме, но определённо он. Мой друг Роман. И, совершенно не думая, я громко, на всю улицу, повторила свою мысль:

– Рома!

Парень уже начал переходить дорогу, но обернулся на крик и остановился. А машина, что уже не снижала скорость, думая, что он перешёл, нажала по тормозам. Но это не помогло. БАМ! Тело Ромы, будто мешок, на секунду взлетает и тяжело падает на асфальт. Мы с водителем замерли, словно время остановилось вместе с падением Ромы, а после одновременно ожили. Я бросилась к парню, а водитель вышел из кабины и, бормотав: «В-в-вызову с-с-скорую», побежал мимо меня к автомату, повторяя фразу раз за разом. Но это я замечала лишь краем сознания, а большая часть моего внимания была сосредоточена на лежащем на асфальте друге. Мне казалось, что он дышит. Или нет? Что у него из голо-

вы идёт кровь. Или нет? Что это не он. Или нет? Я запуталась и хотелось одного: заплакать, упасть на колени и просить прощения. За всё сразу. Говорить, что угодно, лишь бы он встал. Лишь бы очнулся. И всё это длилось минуту или час. Не знаю. Но затем я увидела неправильное положение руки парня и у меня в голове сами собой появились картинки из книг и учебников. И это видение будто бы нажало переключатель в мозгу. Я вспомнила, что я студентка третьего курса медицинского института, а не истеричная кисельная барышня. Я могу помочь ему, и не «волшебными слезами», как в сказке, а первой помощью. И я помогу.

Опустившись перед ним на колени, я очень аккуратно ощупала его. Правая нога сломана, правая рука тоже. Удар от машины пришёлся туда. Голова цела, а вот челюсть повреждена. Приземлился на левый бок, повезло. Хуже было бы, если на спину. Кровь идёт лишь из рта и носа, а ещё он прочесал асфальтом левое плечо, пока падал. Похоже всё не так плохо. А главное есть пульс. И дыхание. Хоть и слабое. Он жив! Осознание этого вновь на секунды вернуло меня в состояние девушки, но было пока рано радоваться, ведь я не настоящий врач и диагностировала как могла. Да и первую помощь оказываться бесполезно, даже опасно, кроме чего-то банального вроде расстегнуть рубашку, ослабить ремень и не давать ему шевелиться. Последнее было не сложно, ведь он лежал без сознания.

В этот момент прибежал водитель и, почти не заикаясь,

сообщил что скорая едет. Я лишь ему холодно и спокойно сообщила о том, что смогла узнать при осмотре. От новости, что парень жив, водитель заметно выдохнул. И в этот момент Рома очнулся.

Он попытался что-то сказать, но я быстро подскочила к нему и приложила палец к губам, а потом неожиданно ласково попросила:

– Молчи. Пожалуйста. Тебе нельзя говорить. У тебя похоже сломана челюсть. И не шевелись, пожалуйста. Иначе будет плохо.

Но судя по тому, как исказилось его лицо, он и сам потихоньку чувствовал, что что-то не так. А я лишь улыбнулась ему. Улыбнулась так, как не улыбалась раньше. Настолько меня напомнило облегчение. Он жив. Он в сознании. Он чувствует. Это было самое важное на Свете. Больше ничего не существовало в ту секунду. Ни водителя, ни собирающихся зевак, ни библикающих машин. Только я и Рома. Хотя взгляд у него всё же был странный. Будто чужой. Но может это из-за травм. Или ссоры. Точно, ссора.

– Рома, прости меня, – я, едва касаясь погладила его по волосам, непривычно длинным, – Мой Рей. Прости. Пожалуйста, прости. Я не хотела. Не хотела... Ничего не хотела. Я так скучала по тебе. Я каждый день ждала тебя. Где угодно! Рей, – я перешла на свистящий шёпот, – кажется, я люблю тебя. Всё ещё люблю. Рей. Понимаешь?

Но мой друг лишь смотрел на меня недоуменным взгля-

дом и не было даже намёка на привычный блеск в зелёных глазах. Глаза были зелёные, но... другие. Не знаю, как по-другому объяснить. Другие и всё тут!

– Гражданка, отойдите.

Это приехали врачи на скорой. А я и не заметила.

Они быстро ощупали Рому, наложили шины, положили на носилки и погрузили в скорую. Я в нерешимости смотрела на их действия, но затем очнулась и попросилась с ними. Врач лишь отмахнулся, но зато молодой санитар сказал куда они поедут и что он скажет, как обстоят дела, когда я туда приеду. Сердечно поблагодарив, я побежала на остановку и весь путь до больницы моё сознание было будто бы в тумане и не хотело верить, что это со мной. Всё будто происходило в приключенческом фильме или в рассказе однокурсника-сказочника. Но точно не в реальности!

Однако, когда я доехала и нашла нужное отделение, то села на скамейке в приёмной и только тут до меня начало очень медленно, будто по капельнице, доходить что произошло. И теперь лишь я задалась вопросом: как могли так сильно отрасти волосы всего за месяц? Такого не бывает. Или бывает?

Раздумывая над свойствами волос и вспоминая примерную скорость их роста, я сначала и не заметила уже знакомого санитаря, но он мягко кашлянул и я, вздрогнув, подняла голову.

– Здравствуйте, – мигом вскочила я на ногу, – Как он?

– Здравствуйте, девушка. Он точно будет жить. Перелом бедренной и лучевой кости. Повреждена челюсть, но по большей части пострадали зубы, а не кости. Небольшое сотрясение. Больше ничего пока сказать не могу.

– Спасибо, – выдохнула я с облегчением, – Я понимаю, что вы не обязаны были, но всё же сказали.

– Да не за что, – парень улыбнулся во все тридцать три зуба, а после чуть тише уточнил, – Только вы не рассказывайте всем, что я вам сказал. Не уверен, что имел право. Но вы всё-таки его девушка, понимаю, что переживаете.

– Да, конечно, – с ответной улыбкой согласилась я, но затем до меня дошла последняя фраза, – Погодите, я ему не девушка. Мы друзья! Просто друзья, даже товарищи!

Санитар сначала опешил, но затем снова улыбнулся и подмигнул:

– Тогда вам стоит задуматься о своих чувствах к нему. Я ведь видел, КАК вы на него смотрели.

И пока я стояла, будто парализованная, парень-санитар махнул мне рукой и поспешил на новый вызов, обронив лишь:

– До свидания. Приходите завтра, посещение до восьми.

– До свидания. Приду, – эхом отозвалась я.

В голове почему-то исчезли все мысли. Осталась звенящая пустота. И с ней я и ехала домой.

Дома я поняла, что так и не дошла до библиотеки и придётся писать то, что есть. Благо некоторые книги у нас были.

За учёбой мысли о Роме, его глазах и моих чувствах немного успокоились, и я даже смогла спокойно лечь спать, а на следующий день отучится в институте. Обо всём случившемся я рассказала Свете и её эмоции смогли сполна отобразить всё то, что случилось. Ей всё это показалось знаком судьбы и что теперь мне точно надо быть с ним. Подруга поддерживала меня весь этот месяц и знала все мои переживания, так что я верила её словам, как ни чьим другим. Но всё равно сомневалась. Особенно мне почему-то хотелось, чтобы Рома не запомнил, что я ему говорила перед тем, как приехала скорая. Не то чтобы это была ложь... но всё же это было слишком откровенно. Лично для меня уж точно. Потому, когда после занятий я вновь шла в больницу, то прокручивала в голове вероятность амнезии при лёгком сотрясении мозга. Получилось вполне хорошо себя убедить в большой вероятности.

И вот я уже иду по коридору больницы и вдыхаю, чтобы обратиться к дежурному на посту, как вдруг... вижу сидящего в коридоре Романа. Без гипса, без бинтов, с бритой головой, в привычной рабочей форме. Абсолютно такой же, как и месяц назад, только на лице плохо контролируемая тревога и усталость. Он смотрел в противоположную от меня сторону коридора, потому не заметил. А я так и не смогла сказать хоть слово, пока из-за поворота не вышел врач и не обратился к моему то ли другу, то ли непонятному явлению.

– Роман Олегович, здравствуйте. Ваш брат сейчас отдыхает. Ему недавно сделали перевязку и обезболивающее, так

что он пока слегка сонный. У него лишь переломы, парню очень повезло.

– Здравствуйте, – кивнул «вроде бы Рома», – Спасибо вам, доктор. Скажите, пожалуйста, а что же с ним случилось? Мне на работе сказали, что из звонка понятно лишь, что машина сбила. Но как? Слава всегда педантичен в этом плане, он бы не стал идти, если есть вероятность аварии.

– Не знаю, – старый доктор развёл руками, – Но из рассказа водителя, он переходил дорогу, внезапно отвлёкся на что-то сзади, затормозил, а водитель не рассчитал скорость для этого. Случилось столкновение. Благо быстро вызвали скорую, а девушка, что проходила мимо, оказала ему первую помощь и не давала шевелиться. Иначе было бы смешение, – и тут мужчина увидел меня, – А вот кстати и эта девушка.

Рома обернулся и ошарашено посмотрел на меня. Я в ответ не менее ошарашено смотрела на него. Брат? Слава? Тот самый брат Слава из рассказов Ромы в детстве? Они что...

– Близнецы, – вслух закончила мысль я.

– Что? – непонимающе переспросил парень.

– Вы. Он. Близнецы. Вот почему он такой!

Я-то себя поняла, а вот мой друг и пожилой доктор смотрели, будто сотрясение было у меня. Внутри наполнила такая гамма чувств, что всего не описать. Облегчение, что Рома в порядке. Стыд, что из-за меня пострадал его брат. Злость, что не сказал раньше, что у него есть брат-близнец. Обида на самую себя, что не спросила. Грусть, что мы поссорились

и так мало общались. И ещё много чего. Но вслух я лишь молчала и хлопала глазами. За это время доктор попрощался и пошёл дальше к пациентам. А мой суженый друг стоял и смотрел на меня.

– Спасибо, – вдруг заговорил он и это подействовало на меня, будто пощёчина.

– За что?

– За то, что помогла моему брату. За то, что пришла сюда проведать его, – парень слабо улыбнулся.

– Я думала это ты, – неожиданно для самой себя призналась я.

Рома на время опешил, но затем очень широко улыбнулся.

– Это многое объясняет.

– Чего ты улыбаешься? – сорвалась вдруг я, – Это из-за меня его сбили! Я думала это ты, окликнула тебя по имени, он обернулся, его сбили. Из-за! Меня! А ты улыбаешься!

– Потому и улыбаюсь. Раз ты окликнула, то хотела меня увидеть и поговорить. Это уже много стоит. А ещё открою тебе тайну: обернулся он, чтобы сказать тебе, что думает обо мне и о тех, кто нас путает. Мы с детства ненавидим нашу внешнюю схожесть. Это одна из тех причин, почему я не говорил тебе, что мы близнецы. Не хотел этого признавать, потому как характером мы слишком разные. Наверно по его виду это было заметно.

Я кивнула и мысленно согласилась, что выглядел он действительно не как Рома. Слишком аккуратный и прилизан-

ный. Спокойный голос друга и логика успокоили меня, и я спросила уже без крика:

– Ты с ним уже говорил?

– Пока нет. Я только пришёл. Вчера у Славы выяснили моё имя и где я работаю, но моя смена кончилась и мне передал новость дежурный на посту. Прийти пришлось только после смены, раньше никак. Я пришёл за минут десять до тебя.

– Хорошо, – рассеяно кивнула я, а в голове всё крутилось: «Помнит о признании или нет?», – Ладно, мне надо идти. Передавай брату привет. Если он будет помнить что-то... кхм... странное, то помни, что он сильно ударился и у него сотрясение. У него могли бы галлюцинации.

– Ты это о...

– Пока, Ром, – не дала ему закончить я и убежала.

Опять. Опять убегаю. Но в этот раз мы вроде как даже помирились. Ну или распрощались без криков и оскорблений. Уже хорошо. А мне в библиотеку надо. Учёба не ждёт.

Следующие дни я вся ушла в учёбу. До экзаменов оставались жалкие месяцы, так что нужно было налегать на учёбу. А там и мысли о братьях отходили на второй план. Хотя, когда в учебниках попадался термин «близнецы» в любом контексте – воспоминания сами приводили к ним, но я быстро отмахивалась. Так и прошли недели две или три. Рома больше не появлялся, но зато однажды во дворе моего института появился некто другой.

Был необычно ясный день. Небо светилось от голубизны, даже снег в сугробах сиял так, что не казался таким холодным, а ветер просто решил отдохнуть где-нибудь на верхушке сосны. Мы со Светой вышли из дверей здания и направились на остановку, но вдруг подруга ахнула.

– Марин, смотри кто там!

На скамейке действительно сидел кто-то знакомый. Но в отличие от Светы, я знала, что это никто иной, как Слава. На костылях, с подвязанной рукой, но всё же это был он. С той же аккуратной причёской и в костюме, он смотрел на меня спокойно-ледяным взглядом глазами цвета спелой травы и сдержанно улыбался. Как я могла перепутать его с Ромой? Совершенно другой.

Он встал, чтобы встретить нас, а после с той же улыбкой кивнул.

– Добрый день, девушки. Я правильно понимаю, что Марина это ты? – он посмотрел на меня.

– Доброго дня. Верно, – напрягаясь внутри, ответила я.

– Разреши с тобой поговорить наедине. Твоя подруга может подождать нас здесь.

– Да нет, я пойду, пожалуй, – что-то явно понимая, отмахнулась от предложения Света, а после обняла меня, шепнув: «Расскажешь потом», и пошла дальше.

Слава же показал рукой на скамейку, и мы вместе присели.

– Разреши официально представиться. Меня зовут Вяче-

слав Чернобуров. И да, я брат Романа. Мой брат рассказал историю о том, что ты перепутала нас и теперь винишь себя, что окликнула меня не совсем вовремя. Признаюсь, это было неожиданно, однако не стоит себя винить. Просто в следующий раз помни о правилах дорожной безопасности и не отвлекай пешеходов.

С каждым его словом раздражение во мне росло, но я хотела узнать зачем он пришёл, потому сжала зубы и слушала.

– Так вот я хотел поблагодарить тебя за оказание первой медицинской помощи. Хоть ты и думала, что оказываешь её не мне, а моему брату, однако судя по словам врача, это помогло. А ещё, я бы хотел обсудить с тобой то, что услышал, когда очнулся.

Моё лицо тут же начало заливать краской от волнения, давление резко поднялось, пульс участился, но я сдерживалась от вопросов и молчала.

– Может мне и показалось, но судя по твоей скрываемой реакции – я не ошибся. Ты призналась мне, точнее моему брату в любви. И вполне серьёзно призналась, почти без сомнений. От брата я узнал, что вы до сих пор в ссоре. Он не сказал мне этого прямо, но он не умеет скрывать эмоции, так что наводящими вопросами и внимательностью во время его всплесков эмоций, я выяснил, что ссора имеет место быть. Потому я хочу тебе кое-что прояснить.

Вячеслав остановился и прочистил горло. За весь монолог его лица не дрогнуло, голос оставался ровным, речь чёт-

кой, будто у диктора. А вот когда он вновь начал, в голосе послышалось лёгкой беспокойство, хотя не знаю, насколько искреннее.

– Роман искал тебя все эти годы. С момента, когда ты перестала ему сниться. Я чётко заметил этот момент, ведь он вдруг стал раньше ложиться спать, всю ночь просыпался, ругался, вновь засыпал и спал до последнего, на утро бормоча про разницу в часовых поясах. А через неделю мучений он перестал спать совсем. Он выдержал три ночи, пока не выключился прямо в школе на уроке. Уснул и не просыпался, как бы его не будили. Учительница тогда сильно испугалась. Ещё два дня он спал дома и вот тогда решил: он найдёт тебя в реальной жизни. Долго пытался сам, но спустя месяц провалов всё же победил свою гордыню и обратился ко мне за советом. Мы стали вспоминать ваши встречи во снах и, несмотря на его упёртость и сопротивление, ведь он считал это очень личным, – Слава цыкнул, – Но всё же, мы вспомнили, как вы бывали возле необычного театра. Я сходил в библиотеку, нашёл там книгу о театрах Советского Союза и нашёл этот самый театр. Он оказался в Свердловск, и когда об этом узнал Роман, он тут же стал готовится к поездке туда. Я твердил ему, что ты могла уже переехать, но он был непреклонен. Поступив в местный техникум на автомеханика, он отправился жить сюда, – парень обвёл рукой всё вокруг, видимо имея ввиду весь город, – После он написал мне в письме, что не ошибся, потому как нашёл те самые леса, театры

и даже детский сад и школу, которую ты показала ему. Но тебя он так и не встретил. Он знакомился с девушками на улицах, выясняя их имена и возраст, а после наличие знакомых Марианн. Но никто не знал. Девушки ещё и обижались, что было не удивительно, я считаю. Я посоветовал ему искать тебя в справочной, но это не дало результата. Ведь он искал Марианну, а таких в городе почти не было, да и ты не была записана под таким именем. Он стал искать девушек твоего возраста, даже обошёл все адреса, но их было слишком много, а тебе видимо не было дома, когда он приходил. Наконец Роман успокоился и решил учиться дальше, а после остался здесь работать. Всё это писал мне в письмах. Я тоже успокоился за состояние брата, но вдруг, несколько месяцев назад, мне приходит письмо, что он встретил тебя случайно и в трамвае, а после обошёл все медицинские учебные заведения и нашёл окончательно. Потому я написал, что хочу познакомиться с тобой и что он официально представил тебя мне и нашему дяде Вадиму, как свою невесту. Ведь его чувства и так были очевидны. Но он не отвечал на моё письмо и тогда я приехал без приглашения. Приехал и застал его в подавленном состоянии, узнав, что ты не ответила взаимностью на его чувства. Я остался ещё на время, чтобы убедиться в адекватности его состояния. И тут, когда я шёл по своим делам, меня окликнули и я попал под машину. Как оказалось, по вине своего брата и его избранницы.

Я молчала. Мысленно отвечала, но вслух всё равно молча-

ла. Для меня все рассказанное Вячеславом было не настолько удивительно, столько... приятно. Рома искал меня. Он все эти годы по-своему, своими способами, но искал. Не просто так оказался в этом городе, это не совпадение, а путь к цели. И её достижение любыми способами. Всё это поднимало внутри комков радости, нужности кому-то и счастья. И самое весёлое, за что цеплялся мозг и логика: я это знала. Всегда знала. Просто не признавала. Как и знала о своих к нему чувствах. Только странно он решил в этих чувствах признаться. Последнюю фразу я повторила вслух, на что Вячеслав лишь хмыкнул:

– Роман очень импульсивен, зато искренен. Он не знал, как сказать словами, потому скорее всего сделал это делом, – и посмотрел на меня парень так, будто знал как именно.

– А где он сейчас? – спросила я, уже формируя в голове план.

– На заводе, вероятно. У него смена до пяти вечера. Ты можешь туда добраться на трамвае. Если, конечно, поспешишь.

– Тогда вынуждена попрощаться с... тобой, Вячеслав, – я едва сдержалась, чтобы не обратиться к нему на «вы», – Спасибо, что прояснил.

– До свидания, Марианна. Надеюсь, ты станешь разумом моего брата.

А я на это не слишком надеялась, потому как иногда не могла стать разумом даже для себя.

Сегодня, на мою удачу, время у меня было и довольно много, потому я сразу же отправилась на завод, где работал Рома. Его название я помнила ещё из наших мирных разговоров о прошедших годах. Которых сейчас уже не было... Но я старалась об этом не думать.

Я спешила как могла, ведь оставалось полчаса. И либо мне вновь повезло в тот день, либо Рома просто задержался, но когда я вся красная от бега подбежала к заводу, то увидела его, выходящего из дверей. Сцена повторилась ровно наоборот: как он встречал меня когда-то неожиданно и безумной улыбкой, так и я сейчас стояла и глупо улыбалась, глядя на его удивлённый взгляд. Когда он подошёл ко мне и задал немой вопрос, я быстро выпалила:

– Я всё знаю.

В глазах моего «вроде бы друга» появилась смешинка в смещении с удивлением, но он всё же заговорил.

– Тогда как назывался первый в Советском Союзе автомобиль?

– Что?

– Что? – эхом повторил парень, а после широко улыбнулся, – Ты сказала, что всё знаешь.

У меня тоже появилась нервная улыбка, а ещё желание начать с ним спорить, но я пыталась не потерять основную мысль.

– Я прочитаю и отвечу на этот вопрос позже. А пока, – я глубоко вдохнула, – я знаю, что ты искал меня все эти годы.

И знаю зачем поцеловал тогда. Это было безрассудно и надо было спросить, но всё же ты пытался. Пытался сказать о своих чувствах. А я не поняла. Потому... Прости меня, пожалуйста. Прости за ту пощёчину. Я просто... запаниковала. Но это был не повод тебя бить. Хотя ты и выше меня. И сильнее. И старше. Но ты тоже человек. И давай, – я сглотнула вязкую слюну, переводя дыхание, – Давай договоримся, что ты будешь спрашивать, прежде чем целовать, а я не буду тебя больше бить. Хорошо?

Со страхом в глазах я смотрела на него, а он на меня растерянно. Так мы и стояли. Я ждала ответа, а он видимо отдумывал всё. Наконец, видимо до него дошло и он радостно улыбнулся, а глаза весело заблестели.

– Договорились, – ответил парень и его голос будто источал облегчение едва ли не сильнее, чем у меня, а потом он протянул руку, – Мир-дружба-жвачка?

– Мир и дружба, – счастливо я улыбнулась в ответ, а затем, на фоне общего облегчения, вдруг добавила, – А если всё же захочешь не только мира и дружбы, то приходи ко мне с жвачкой. Только с настоящей.

Рома от такого снова опешил, но в этот раз очнулся быстрее, и его улыбка стала лёгкой, как воздушный шарик.

– Я запомню. А теперь пошли, я покажу тебе дорогу до твоего дома. Надеюсь, это не последний наш совместный вечер.

Я кивнула, и мы заговорили о моей учёбе и о его забавных

случаях на заводе. Так мы и проговорили до самого моего дома, что я и не заметила, как мы подошли к подъезду. Попрощавшись, я зашла к себе и сегодня меня не так сильно и волновало, что окна нашей квартиры выходят прямо ко входу подъезда. Я просто была счастлива, что мы с Ромой снова друзья.

Мы гуляли так ещё пару недель, а затем, однажды вечером Рома снова был молчалив и теперь это меня уже ввело в напряжение. Но он лишь отмахнулся, что устал и много дел скопилось. На следующий день была суббота и я оставалась дома за семейный поход в театр. Рома знал про это, но всё же почему-то сказал: «До завтра». Я не обратила на это внимания. А зря.

Суббота началась и продолжалась скучно. Мы сходили в театр на оперу, которую я не слишком любила. А после, около десяти вечера, в доме царила блаженная тишина. Я сидела за конспектами, бабушка готовила, дедушка читал книгу в гостиной. Но вдруг в нашей квартире затрезвонил дверной звонок. Выглянув в коридор, я встретила не менее удивлённый взгляд дедушки, который даже нахмурился от неожиданных гостей. А когда дед открыл дверь, то на пороге стоял статный парень с букетом крокусов. Сначала я решила, что это Вячеслав из-за костюма, но голова была такой же бритой, что и вчера, а глаза горели, хоть и коктейлем из решимости и тревоги. Парень коротко кивнул, а после спросил:

– Здравствуйте. Денис Иванович?

– Так точно, – ответил дед по привычке.

– Разрешите войти? – твёрдым голосом спросил Рома.

– С какой целью?

– С целью сделать предложение руки и сердца вашей внучке Марине.

Не знаю почему, я издала тихий писк, будто кто-то наступил мне на ногу, но ни Рома, ни бабушка не обратили на это внимание.

– Интересееесно, – медленно протянул дед, – Ну, заходите, молодой человек.

Я даже зауважала своего друга-товарища-жениха, зато как он смело зашёл и стойко выдержал на себе взгляд бывалого морского волка. Потому как сама я сжалась в комок от волнения.

Пока парень разувался и раздевался, из кухни пришла бабушка.

– Вы кто? – недоуменно спросила она, протирая руки и рассматривая гостя.

– Жених, – с весёлой усмешкой ответил дед и я немного обрадовалась, что у него настроение хорошее, – Лариса, поставь чайник, пожалуйста. Важный разговор предстоит.

– Здравствуйте, Лариса Владимировна. Я Роман, – чинно представился наш гость, – Фамилия моя Чернобуров. И я действительно пришёл делать предложение вашей внучке. Это вам, Лариса Владимировна, – и он протянул хозяйке дома цветы, а затем достал из кармана пиджака яркую упаков-

ку жвачки и протянул её мне, – А это тебе обещанное.

Я даже не смогла съязвить, всё ещё находясь в некотором трансе от происходящего. Просто взяла упаковку и кивнула.

– Оу, – удивлённо отозвалась бабушка, придирчиво рассматривая букет, а после на её лице появилась доброжелательная улыбка, – Что ж, проходите в зал, Роман, а я пока чайник поставлю.

Парень сделал кивок и как-то странно развернулся, что даже каблуки щёлкнули. Это заметил и дедушка, а потому с довольной улыбкой спросил:

– Вы воспитывались в семье военных, Роман?

– Так точно, Денис Иванович, – немного растеряно ответил Роман, а затем вновь собрался, – Мой отец Олег Александрович Чернобуров, офицер пехоты, 749 стрелковый полк. Мой дед Александр Александрович Чернобуров, кавалерист, 1 бригада 4-й кавалеристской дивизии.

– Значит, династия. Похвально, – дед улыбнулся широко и довольно, как сытый кот, и пошёл в зал.

Мы с Ромой за ним, а следом бабушка с подносом, где стояли чайник и чашки. То, что Рома был из семьи военных меня, конечно, удивило, но не так сильно, как самое его явление в мой дом. Он смотрелся здесь, как галлюцинация от переутомления после усердной учёбы.

Пройдя внутрь, каждый как-то сам нашёл себе место. Хозяева дома сели на диван, я присела возле окна, а мой суженый встал возле книжного шкафа, так, чтобы его было вид-

НО ВСЕМ.

– Итак, уважаемые Денис Иванович и Лариса Владимировна, – уверенно начал нарушитель спокойствия нашего дома, выпрямив спину и убрав руки за спину, – Как вы уже поняли, я прошу Марину стать моей женой. В силу воспитания, я обязан сначала уведомить вас.

– Вот как, – усмехнулся дед, – А если мы не дадим вам благословения?

– А я его не прошу. Я сказал, что обязан уведомить вас, а не просить, – глаза Ромы блеснули дерзостью, – Мне нужно лишь согласие Марины. После мы подадим заявление, поженимся, я получу комнату в общежитии, дождусь очереди на квартиру, и мы переедем туда. Марина, – его изумрудные глаза встретились с моими, – Ты согласна?

Во время его речи бабушка косилась на меня и было в том взгляде то ли обвинение в её неосведомлённости, то ли сомнение в правдивости слов Романа, но я упёрто не отрывала взгляд от своего суженого. Было в нём в тот момент нечто такое, что заставило замереть сердце и желание подойти к нему и встать рядом. Чувство защищённости и того, что всё будет хорошо. И когда наконец наши глаза встретились, все сомнения и растерянность ушла. Я твёрдо знала ответ.

– Да, Ром. Безусловно, да.

Он улыбнулся мне и теперь вновь и до конца напоминал себя: взбалмошного и искреннего.

– А кем вы работаете, Роман? – начала расспрос комиссар

нашей семьи в лице бабушки.

– Я слесарь на заводе, – вернул прежнюю отстранённую уверенность парень.

– А как вы познакомились с Мариной?

Мой наречённый жених бросил на меня короткий взгляд, я, будто читая его мысли, кивнула, и он с серьёзным лицом стал нести околёсицу.

– Мы с вашей внучкой познакомились в детстве во времена детского сада, общались в школе, но затем мне пришлось уехать по семейным обстоятельствам. И вот недавно мы столкнулись в трамвае и вновь начали общаться. Я ухаживал за ней долгое время, но она чётко дала понять, что желает лишь серьёзных отношений. И вот теперь я здесь.

– Тааак, – протянул дедушка, – Допустим это мы поняли. И чего вы от нас ждёте? Если уже всё решили.

– Почти ничего. Только присутствия на нашей свадьбе. Точную дату мы ваш сообщим.

Дед смотрел на Рому, Рома на деда. Это длилось может минуту, а может и все десять. На кухне засвистел чайник. Вместе с чайником закипал и воздух внутри зала. Но вдруг дедушка хмыкнул и улыбнулся. Да так широко, что даже глаза сощурились, рисуя в уголках морщинки. Я даже выдохнула от облегчения. Значит всё не так плохо.

– Ну, сообщайте, что же ещё делать. А мы, так и быть, придём и поприсутствуем.

– Только помните, – бабушка обвела и меня, и моего же-

ниха строгим взглядом, – Марине ещё институт закончить надо.

– Разумеется, – кивнул Роман, – Мы с ней создадим все условия для успешного учёбы.

– Будем надеяться, – хозяйка дома прищурилась и в её взгляде был виден скептицизм, однако больше ей видимо нечего было сказать.

– Тогда до встречи, Денис Иванович, Лариса Владимировна.

Парень одарил каждого из моих опекунов кивком, а затем прошёл ко мне, взял мою руку в свои ладони, поцеловал и добавил чуть тише:

– А тебе до скорой встречи в понедельник. Моя Марианна. Меня переполняло чувство лёгкости, будто наконец отцепили от ног то, что давно держало меня и не давало взлететь. Я отсюда съеду. Пусть новая жизнь и будет не менее трудной, а учёба и вовсе непонятно какая. Но я буду жить с Ромой. И что-то мне подсказывало – я всё смогу.

Рома не обманул. В понедельник он действительно зашёл за мной в институт, впервые за долгое время. А когда мы дошли до парка, то парень резко обернулся, буквально упал на одно колено и вытащил из кармана фуфайки кольцо. Красивое, старинное, с зелёным камнем вроде малахита. Но оно безумно подходило ему и его глазам.

– Марианна, – начала мой суженый, – ты уже целых два раза признавалась мне в любви, а я всё никак не мог отве-

тить. И вот теперь готов без всяких сомнений спросить, – парень сделал быстрый вдох, затем выдох и произнёс на одном дыхании, – Я люблю тебя и хочу, чтобы ты стала моей женой. Ты согласна?

От удивления я на секунд десять замерла, но затем, осознав, что он хочет, выпалила автоматной очередью:

– Ты же уже спрашивал. То есть не важно. То есть да. Да, согласна.

У Ромы от этой скороговорки мозг на пару секунд заклинил, а затем рефлексы на гормоны радости отреагировали, он вскочил на ноги и рывком надел мне кольцо. Хотя мой жених и сделал этот слишком резко, но кольцо не поцарапало и село, будто и было моё. Это настолько порадовало и удивило нас обоих, что неожиданно я поцеловала своего Романа в губы, а он сразу ответил. Так мы и стояли. И этот поцелуй тянулся долго, пока я не вспомнила, что мы в парке и вокруг люди. Однако, даже разомкнув губы, мы будто продолжали целоваться взглядами. Взявшись за руки, чтобы перенести цепочку связи туда, мы пошли дальше по парку.

А следующим вечером к нам в гости пришёл Вячеслав вместе с Ромой и началась карусель событий. Подача заявления, платье, костюм, гости, приезд Джо, торт, роспись, праздник, первая совместная ночь, сборы, переезд в общежитие. Попутно всё ещё была учёба, практика и притирки с Ромой.

Наконец, летом, после экзаменов и трудового лагеря, мы

отправились в поход в ленинградские леса. И это была ещё одна ступенька в нашей истории.

Сначала мы отправились большой компанией с друзьями Вячеслава, а затем, возле деревни Оломны отделились и, пока те пополняли запасы, мой новоиспечённый муж повёл меня в «секретное место». Мы шли около трёх часов, пока наконец не пришли на поляну. Признаюсь честно, это не совсем то, что я ожидала. Везде были колючие кусты, жёлтая трава, куча опавших листьев, да ещё и темно из-за плотных деревьев наверху. Но видимо Роме оно было дорого, потому я улыбнулась ему и стала искать плюсы:

– Необычное место. Похоже это место рождения ежей. Здесь можно снимать фильмы о тёмных лесах и Бабе Яге.

Мой друг и муж лишь рассмеялся, и я тоже в мгновение развеселилась. От этого на поляне как будто-то бы посветлело и я увидела цветок. Единственный цветок на всех поляне висел на кусте и блестел после недавнего дождя. Это была ромашка. Пластиковая, яркая, какими украшают детские утренники. И она манила к себе, потому я подошла и дотронулась, проверяя действительно ли она есть. Рома тихо пошёл следом и прошептал на ухо, отчего у меня побежали мурашки:

– Вот ты и нашла маленький секрет этой полянки. Теперь отодвинь эту ветку.

Я поступала, как он и сказал, и за кустом... оказался проход. Низкий, у самой земли, но мы с Ромой вполне туда по-

мещались. Мой муж махнул рукой, давая мне честь пойти первой и я, полная сомнений и предчувствий, пошла. Чувствовала я себя при этом Алисой в заячьей норе. Но идти было недолго и вот мы уже оказались на совершенно другой поляне. Это поляна была, как из доброй сказки. Зелёная оградка из кустов с ягодами, всюду цветы, кое-где земляника, а сверху всю это залито солнцем, будто самым сладким вареньем. Даже трава здесь казалась зеленее, чем во всём остальном лесу.

С этими мыслями я обернулась к вышедшему следом Роману и прошептала от переполненных чувств:

– Она прекрасна.

– Как и ты, – с нежностью ответил мой суженный и поцеловал меня в волосы, а после на его лице промелькнула грусть, – Я нашёл это место ребёнком, когда мы жили в Оломне с дядей. Мне хотелось побыть одному, и я ушёл в лес. Долго шёл, пока не пришёл на ту поляну. Она так сильно отражала всё плохое внутри меня, что я взял большую палку и стал бить по кустам, чтобы куда-то деть эмоции. И внезапно, замахнувшись, увидел на кусте бабочку. Настоящую, живую и невероятно красочную. Она сидела на кусте, несмотря на все колючки и тёмный лес. И мне вдруг подумалось, что всё не так плохо. У меня есть Славка, дядя нас любит и заботится, есть крыша и еда. И ещё, что у меня есть ты, – Рома со значением посмотрел меня в глаза несколько секунд и лишь после продолжил, – Тогда я протянул руку к бабочке, но она

улетела, зато за веткой куста я увидел просвет. Отодвинув её, я нашёл этот лаз и, обнаружив поляну, сделал её своим тайным местом. Я убегал сюда всё время, пока мы не уехали. Напоследок я взял у одной бабушки пластиковый цветок прицепил на ветку, чтобы не забыть и вернуться сюда вновь. И вот. Я вернулся.

Мой избранник улыбался мне, как счастливый ребёнок, и затем обнял меня и прижал к себе крепко-крепко.

– Я привёл тебя сюда и хочу однажды привести сюда нашего сына. А может дочку. Всё равно. Это будет наше тайное место, место только для нашей семьи. И мы будем счастливы с тобой. Клянусь. Моя жена, мой друг, моя Марианна Чернобурова.

Видимо я ещё не привыкла к своей новой фамилии, но в сочетании с моим истинным именем оно звучало так, что по моим венам будто бы прошёл электрический разряд. И я обняла Рому так крепко, как смогла. Так мы и стояли. Счастливые, женатые, в нашем тайном месте.

На том наш роман только начался, но это было уже не про «ожившее сновидение», а про вполне реальный быт. Через год мы переехали в Ленинград в новую квартиру, я стала работать травматологом, Рома автомехаником. Через три года у нас родился первый сын Александр. Через ещё шесть лет у нас появился Максим. По этому долгому жизненному пути было много чего: и яркого, и скучного, и хорошего, и плохого. Но Рома сдержал слово. Мы были счастливы. И до сих

пор счастливы. Осталось лишь дочку, но Рома, кажется, не верит, что она будет. Говорит, что в их семье одни мальчики. А я хочу. И значит всё будет.

Вот пока и вся история, мой дорогой читатель. Верьте своему сердцу, и оно вас не подведёт.

Искренне ваша, Марианна Чернобурова.

19 сентября 1990 года.